

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoffoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Хосе Ортега-и-Гассет

Восстание масс

I. Скученность

В современной общественной жизни Европы есть – к добру ли, к худу ли – один исключительно важный факт: вся власть в обществе перешла к массам. Так как массы, по определению, не должны и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уж о целом обществе, из этого следует, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию и культуру. Такие кризисы уже не раз бывали в истории; их признаки и последствия известны. Имя их также известно – это восстание масс.

Чтобы понять это грозное явление, условимся, что такие слова, как «восстание», "массы", "общественная власть" и т. п., мы не будем толковать в узкополитическом смысле. Общественная жизнь далеко не исчерпывается политикой; у нее есть, даже прежде политики, и другие аспекты – интеллектуальный, моральный, экономический, религиозный и др.; она охватывает все наши общие привычки, вплоть до моды на одежду и развлечения.

Быть может, мы лучше всего уясним себе это историческое явление, если начнем с одного внешнего факта нашей эпохи, который просто бросается в глаза. Его легко опознать, но не так-то легко в нем разобраться, и я назову его «скоплением» или «скученностью». Города переполнены людьми, дома – жильцами, отели – приезжими, поезда – пассажирами, кафе – посетителями, улицы – прохожими, приемные знаменитых врачей – пациентами, курорты – купальщиками, театры – зрителями (если спектакль не слишком старомоден). То, что раньше было так просто – найти себе место, теперь становится вечной проблемой.

Вот и все. Есть ли в нашей нынешней жизни что-нибудь более знакомое, обычное? Однако попробуем углубиться в этот "простой факт", и мы будем поражены: подобно лучу света, проходящему через призму, он даст нам целый спектр неожиданных открытий и заключений.

Что же мы видим, что нас поражает? Мы видим толпу, которая завладела и пользуется всеми просторами и всеми благами цивилизации. Но рассудок немедленно нас успокаивает: что ж тут такого? Разве это не прекрасно? Ведь театр на то и построен, чтобы места были заполнены. То же самое – с домами, отелями, железной дорогой. Да, конечно. Но раньше все они не были переполнены, а сейчас в них просто не войти. Как бы это ни было логично и естественно, мы должны признать, что раньше было иначе, и это оправдывает, по крайней мере, в первый момент, наше удивление.

Удивление, изумление – первый шаг к пониманию. Здесь – сфера интеллектуала, его спорт, его утеха. Ему свойственно смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Все в мире странно и чудесно для широко раскрытых глаз. Способность удивляться не дана футболисту, интеллектуал же – всегда в экстазе и видениях, его отличительный признак – удивленные глаза. Потому-то древние и представляли себе Минерву совоём.

Скученности, переполнения раньше почти не бывало. Почему же теперь оно стало обычным?

Оно возникло не случайно. Пятнадцать лет тому назад общая численность населения была почти та же, что и сейчас. После войны, она, казалось бы, должна была уменьшиться. Но здесь как раз мы приходим к первому важному пункту. Индивидуы, составляющие толпу, существовали и раньше, но не в толпе. Разбросанные по свету в одиночку или мелкими группами, они вели раздельную, уединенную жизнь. Каждый из них занимал свое место – в деревне, в городке, в квартале большого города.

Теперь они появились все вместе, и куда ни взглянешь, всюду видишь толпу.

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
Повсюду? О, нет, как раз в лучших местах, в мало-мальски изысканных уголках нашей культуры, ранее доступных только избранным, меньшинству.

Массы внезапно стали видны, они расположились в местах, излюбленных «обществом». Они существовали и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены; теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места главных действующих лиц. Герои исчезли – остался хор.

Толпа – понятие количественное и видимое. Выражая ее в терминах социологии, мы приходим к понятию социальной массы. Всякое общество – это динамическое единство двух факторов, меньшинств и массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного "общего типа".

Что мы выиграли от превращения количества в качество? Очень просто: изучив «тип», мы можем понять происхождение и природу массы. Ясно, даже общеизвестно, что нормальное, естественное возникновение массы предполагает общность вкусов, интересов, стиля жизни у составляющих ее индивидов. Могут возразить, что это верно в отношении каждой социальной группы, какой бы элитарной она себя ни считала. Правильно; но есть существенная разница!

В тех группах, которые нельзя назвать массой, сплоченность членов основана на таких вкусах, идеях, идеалах, которые исключают массовое распространение. Для образования любого меньшинства необходимо, прежде всего, чтобы члены его отталкивались от большинства по особым, хоть относительно личным мотивам. Согласованность внутри группы – фактор вторичный, результат общего отталкивания. Это, так сказать, согласованность в несогласии. Иногда такой характер группы выражен явно, пример – англичане, называвшие себя «нонконформистами», т. е. «несогласными», которых связывает только их несогласие с большинством. Объединение меньшинства, чтобы отделить себя от большинства, – необходимая предпосылка его создания.

Строго говоря, принадлежность к массе – чисто психологический признак, и вовсе не обязательно, чтобы субъект физически к ней принадлежал. О каждом отдельном человеке можно сказать, что принадлежит он к массе, или нет. Человек массы – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он – "точь-в-точь, как все остальные", и притом несколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все. Представим себе скромного человека, который пытается определить свою ценность на разных поприщах, испытывает свои способности там и тут и, наконец, приходит к заключению, что у него нет таланта ни к чему. Такой человек будет чувствовать себя посредственностью, но никогда не почувствует себя членом "массы".

Когда речь заходит об "избранном меньшинстве", лицемеры сознательно искажают смысл этого выражения, притворяясь, будто они не знают, что «избранный» – вовсе не «важный», т. е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к себе самому требовательней, чем к другим, даже если он лично и не способен удовлетворять этим высоким требованиям. Несомненно, самым глубоким и радикальным делением человечества на группы было бы различие их по двум основным типам: на тех, кто строг и требователен к себе самому ("подвижники"), берет на себя труд и долг, и тех, кто снисходителен к себе, доволен собой, кто живет без усилий, не стараясь себя исправить и улучшить, кто плывет по течению.

Это напоминает мне правоверный буддизм, который состоит из двух различных религий: одной – более строгой и трудной, и другой – легкой и неглубокой. Махаяна – "великий путь", хинаяна – "малый путь". Решает то, на какой путь направлена наша жизнь, – с высокими требованиями или с минимальными.

Таким образом, деление общества на массы и избранное меньшинство – деление не на социальные классы, а на типы людей; это совсем не то, что иерархическое различие «высших» и «низших». Конечно, среди «высших» классов, если они и впрямь высшие, гораздо больше вероятия встретить людей "великого пути", тогда как "низшие классы" обычно состоят из индивидов без особых достоинств. Но, строго говоря, в каждом классе можно найти и

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
«массу», и настоящее "избранное меньшинство". Как мы увидим далее, в наше время массовый тип, «чернь», преобладает даже в традиционных избранных группах. Так, в интеллектуальную жизнь, которая по самой сути своей требует и предполагает высокие достоинства, все больше проникают псевдоинтеллектуалы, у которых не может быть достоинств; их или просто нет, или уже нет. То же самое – в уцелевших группах нашей «знати», как у мужчин, так и у женщин. И, наоборот, среди рабочих, которые раньше считались типичной «массой», сегодня нередко встречаются характеры исключительных качеств.

Итак, в нашем обществе есть действия, дела, профессии разного рода, которые по самой природе своей требуют специальных качеств, дарований, талантов. Таковы государственное управление, судопроизводство, искусство, политика. Раньше каждый специальный род деятельности выполнялся квалифицированным меньшинством. Масса не претендовала на участие: она знала, что для этого ей не хватало квалификации; если бы она эту квалификацию имела, она не была бы массой. Масса знала свою роль в нормальной динамике социальных сил.

Если теперь мы обратимся к фактам, отмеченным вначале, мы, несомненно, должны будем признать, что поведение масс совершенно изменилось. Факты показывают, что массы решили двинуться на авансцену истории, занять там места, использовать достижения техники и наслаждаться всем тем, что раньше было предоставлено лишь немногим. Ясно, что сейчас все переполнено, – ведь места не предназначались для масс; а толпы все прибывают. Все это свидетельствует наглядно и убедительно о новом явлении: масса, не переставая быть массой, захватывает место меньшинства, вытесняя его.

Никто, я уверен, не будет возражать против того, что сегодня люди развлекаются больше, чем раньше, поскольку у них есть к этому желание и средства. Но тут есть опасность: решимость масс овладеть тем, что раньше было достоянием меньшинства, не ограничивается областью развлечений, это генеральная линия, знамение времени. Поэтому я полагаю, – предвосхищая то, что мы увидим далее, – что политические события последних лет означают не что иное, как политическое господство масс. Старая демократия была закалена значительной дозой либерализма и преклонением перед законом. Служение этим принципам обязывает человека к строгой самодисциплине. Под защитой либеральных принципов и правовых норм меньшинства могли жить и действовать. Демократия и закон были нераздельны. Сегодня же мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение масс тем, что им надоела политика и что они готовы предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше, при либеральной демократии. Тогда массы полагали, что, в конце концов, профессиональные политики при всех их недостатках и ошибках все же лучше разбираются в общественных проблемах, чем они, массы. Теперь же, наоборот, массы считают, что они вправе пустить в ход и сделать государственным законом свои беседы в кафе. Сомневаюсь, чтобы в истории нашлась еще одна эпоха, когда бы массы господствовали так явно и непосредственно, как сегодня. Поэтому я и говорю о "гипердемократии".

То же самое происходит и в других областях жизни, особенно в интеллектуальной. Быть может, я ошибаюсь, но писатель, который берет перо, чтобы писать на тему, которую он долго и основательно изучал, знает, что его рядовой читатель, ничего в этой теме не смыслящий, будет читать его статью не с тем, чтобы почерпнуть из нее что-нибудь, а с тем, чтобы сурово осудить писателя, если он говорит не то, чем набита голова читателя. Если бы люди, составляющие массу, считали себя особо одаренными, это был бы случай частного ослепления, а не социальный сдвиг. Но для нынешних дней характерно, что вульгарные, мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность, и причем повсюду. Как говорят в Америке, "выделяться неприлично". Масса давит все непохожее, особое, личностное, избранное.

Кто выглядит не так, "как все", кто думает не так, "как все", тот подвергается риску стать изгоем. Конечно, эти «все» – еще далеко не все. Все без кавычек – это сложное единство однородной массы и неоднородных меньшинств. Но сегодняшние «все» – это только масса.

Вот страшный факт нашего времени, и я пишу о нем, не скрывая грубого зла, связанного с ним.

II. Подъем исторического уровня

Вот громадный сдвиг нашего времени, изображенный мною, во всей его угрожающей неприглядности. Кроме того, это – истинное новшество. Такого еще не бывало в истории. Если мы хотим найти что-либо подобное, мы должны отойти от нашей эпохи, углубиться в мир, в корне отличный от нашего, обратиться к древности, к античному миру в период его упадка. История Римской империи есть, в сущности, история ее гибели, история восстания и господства масс, которые поглотили и уничтожили ведущее меньшинство, чтобы самим занять его место. В ту эпоху наблюдалось то же скопление масс и переполнение ими всех общественных мест. Этим объясняются, – как правильно заметил Шпенглер – и колоссальные постройки римлян, точь-в-точь как в наши дни. Эпоха масс – эпоха массивного.

Мы живем под грубым господством масс. Ну что ж, я дважды употребил это слово – грубый, я заплатил дань вульгарности и теперь, с билетом в руке, могу войти в мою тему и посмотреть, что делается внутри. Иначе читатель мог бы подумать, что я намерен ограничиться описанием, хотя и верным, но поверхностным; дать только внешние черты, оболочку, под которой этот поразительный факт скрывается, когда на него смотрят с точки зрения прошлого. Если бы мне пришлось здесь прервать исследование, читатель с полным правом мог бы подумать, что чудесное появление масс на поверхности истории вызывает у меня лишь раздраженные и презрительные слова, смесь ненависти и отвращения; ведь я известный сторонник совершенно аристократического понимания истории.

Говорю «совершенно», ибо я никогда не утверждал, что человеческое общество должно быть аристократично, я имел в виду гораздо больше. Я утверждал, и я все больше верю, что человеческое общество по самой сущности своей всегда аристократично – хочет оно этого или нет; больше того: оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным. Конечно, я имею в виду общество, а не государство. Не может быть и речи о том, чтобы на бурное кипение масс аристократически ответить манерной ухмылкой, как версальский придворный. Версаль – я имею в виду Версаль ухмылок – не аристократия, он – смерть и тление аристократии, некогда великолепной. Поэтому подлинно аристократичной у этих «аристократов» была та достойная грация, с какой они умели класть головы под нож гильотины; они принимали его, как гнойный нарыв принимает ланцет хирурга.

Нет, кто живо ощущает высокое призвание аристократии, того зрелище масс должно возбуждать и воспалять, как девственный мрамор возбуждает скульптора. Социальная аристократия вовсе не похожа на ту жалкую группу, которая присваивает себе одной право называться «обществом» и жизнь которой сводится к взаимным приглашениям и визитам. У всего на свете есть свои достоинства и свое назначение, есть и у этого миниатюрного «света»; но «миссия» его – очень скромная, ее нельзя и сравнить с исполинской миссией подлинной аристократии. Я бы не прочь обсудить значение «света», но сейчас моя тема несравненно важнее. "Избранное общество" идет в ногу с эпохой. Одна молодая дама, элегантная и вполне «современная», сказала мне: "Я не выношу балов, где приглашенных меньше восьмисот!". В этой фразе я почувствовал, что "массовый стиль" торжествует во всех сферах современной жизни и накладывает свою печать даже на те укромные уголки, которые предназначены лишь для немногих "избранных".

Поэтому я одинаково отвергаю как то восприятие нашей эпохи, которое не замечает положительного смысла, скрытого в сегодняшнем господстве масс, так и то, которое радостно приветствует это господство без всякого страха и трепета. Каждая судьба драматична и даже трагична в своих глубинах. Кто никогда не ощущал тайного страха, созерцая опасность своей эпохи, тот так и не нашел доступа к недрам судьбы, он только прикасался к ее покровам. В нашу эпоху этот страх внесен бурным, всесокрушающим переворотом в душах масс, властным, упрямым и двусмысленным, как всякая судьба. Куда она влечет нас? К гибели? Или, может быть, к благу? Вопросительный знак осеняет всю нашу эпоху, гигантский по величине, двусмысленный по форме – не то гильотина или виселица, не то триумфальная арка...

Явление, которое нам предстоит исследовать, имеет две стороны, два аспекта:

1) массы выполняют сейчас те самые общественные функции, которые раньше были предоставлены исключительно избранным меньшинствам;

2) и в то же время массы перестали быть послушными этим самым меньшинствам: они не повинуются им, не следуют за ними, не уважают их, а, наоборот, отстраняют и вытесняют их.

Рассмотрим первый аспект. Я хочу сказать, что сейчас массам доступны удовольствия и предметы, созданные отборными группами (меньшинствами) и ранее предоставленные только этим группам. Массы усвоили вкусы и привычки, раньше считавшиеся изысканными, ибо они были достоянием немногих. Вот типичный пример: в 1820 г. во всем Париже не было и десяти ванн комнат в частных домах (см. Мемуары графини де-Буань). Теперь массы спокойно пользуются тем, что было раньше доступно лишь богатым, и не только в области материальной, но, что важнее, в области правовой и социальной. В XVIII веке некоторые группы меньшинств открыли, что каждый человек уже в силу рождения обладает основными политическими правами, так называемыми "правами человека и гражданина", и что, строго говоря, кроме этих, общих прав, других нет. Все остальные права, основанные на особых дарованиях, подверглись осуждению, как привилегии. Сперва это было лишь теорией, мнением немногих; затем «немногие» стали применять идею на практике, внушать ее, настаивать на ней. Однако весь XIX век массы, все более воодушевляясь этим идеалом, не ощущали его как права, не пользовались им и не старались его утвердить; под демократическом правлением люди по-прежнему жили как при старом режиме. «Народ», – как тогда говорилось, – знал, что наделен властью, но этому не верил. Теперь эта идея превратилась в реальность – не только в законодательстве, очерчивающем извне общественную мысль, но и в сердце каждого человека, любого, пусть даже реакционного, т. е. даже того, кто бранит учреждения, которые закрепили за ним его права. Мне кажется, тот, кто не осознал этого странного нравственного положения, не может понять ничего, что сейчас происходит в мире. Суверенитет любого индивида, человека как такового, вышел из стадии отвлеченной правовой идеи или идеала и укоренился в сознании заурядных людей. Заметьте: когда то, что было идеалом, становится действительностью, оно неизбежно теряет ореол. Ореол и магический блеск, манящие человека, исчезают. Равенство прав – благородная идея демократии – выродилась на практике в удовлетворение appetitov и подсознательных вождлений.

У равноправия был один смысл – вырвать человеческие души из внутреннего рабства, внедрить в них собственное достоинство и независимость. Разве не к тому стремились, чтобы средний человек почувствовал себя господином, хозяином своей жизни? И вот, это исполнилось. Почему же сейчас жалуются все те, кто тридцать лет назад был либералом, демократом, прогрессистом? Разве, подобно детям, они хотели чего-то, не считаясь с последствиями? Если вы хотите, чтобы средний, заурядный человек превратился в господина, нечего удивляться, что он распоясался, что он требует развлечений, что он решительно заявляет свою волю, что он отказывается кому-либо помогать или слушать, никого не хочет слушаться, что он полон забот о себе самом, своих развлечениях, своей одежде – ведь это все присуще психологии господина. Теперь мы видим все это в заурядном человеке, в массе.

Мы видим, что жизнь заурядного человека построена по этой самой программе, которая раньше была характерна лишь для господствующих меньшинств. Сегодня заурядный человек занимает ту арену, на которой во все эпохи разыгрывалась история человечества; человек этот для истории – то же, что уровень моря для географии. Если средний уровень нынешней жизни достиг высоты, которая ранее была доступна только аристократии, это значит, что уровень жизни поднялся. После долгой подземной подготовки он поднялся внезапно, одним скачком, за одно поколение. Человеческая жизнь в целом поднялась. Сегодняшний солдат, можно сказать, – почти офицер; наша армия сплошь состоит из офицеров. Посмотрите, с какой энергией, решительностью, непринужденностью каждый шагает по жизни, хватается все, что успеет, и добивается своего.

И благо, и зло современности и ближайшего будущего – в этом повышении исторического уровня.

Однако сделаем оговорку, о которой раньше не подумали: то, что сегодняшней стандарт жизни соответствует былому – стандарту привилегированных меньшинств, новинка для Европы; для Америки это привычно, это входит в ее сущность. Возьмем для примера идею равенства перед законом. Психологическое

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
ощущение "господина своей судьбы", равного всем остальным, которое в Европе было знакомо только привилегированным группам, в Америке уже с XVIII века (т. е., практически говоря, всегда) было совершенно естественным. И еще одно совпадение, еще более разительное: когда новая психология заурядного человека зародилась в Европе, когда уровень жизни стал возрастать, весь стиль европейской жизни, во всех ее проявлениях, начал меняться, и появилась фраза: "Европа американизируется". Те, кто говорил это, не придавали своим словам большого значения, они думали, что идет несущественное изменение обычаев и манер; и; обманутые внешними признаками, приписывали все изменения влиянию Америки на Европу. Этим они, по моему мнению, упрощали и снижали проблему, которая несравненно глубже, сложнее и чревата неожиданностями.

Вежливость велит мне сказать нашим заокеанским братьям, что Европа и впрямь американизируется, и это – влияние Америки на Европу. Но я не могу так сказать. Истина вступает в спор с вежливостью и побеждает. Европа не «американизировалась», не испытывала большого влияния Америки. Быть может, эти процессы начинаются как раз сейчас, но их не было в прошлом, и не они вызвали нынешнее положение. Существует масса вздорных идей, смущающих и сбивающих с толку и американцев, и европейцев. Триумф масс и последующий блистательный подъем жизненного уровня произошли в Европе в силу внутренних причин, в результате двух столетий массового просвещения, прогресса и экономического подъема. Но вышло так, что результаты европейского процесса совпадают с наиболее яркими чертами американской жизни; и это сходство типичных черт заурядного человека в Европе и в Америке привело к тому, что европеец впервые смог понять американскую жизнь, которая до этого была для него загадкой и тайной. Таким образом, дело не во влиянии (это было бы даже несколько странным), а в более неожиданном явлении – нивелировке, выравнивании. Для европейцев всегда было непонятно и неприятно, что стандарт жизни в Америке выше, чем в Европе. Это ощущали, но не анализировали, и отсюда родилась идея, охотно принимаемая на веру и никогда по оспариваемая, что будущее принадлежит Америке. Вполне понятно, что такая идея, широко распространенная и глубоко укорененная, не могла родиться из «ничего», без причины. Причиной же было то, что в Америке разница между уровнем жизни масс и уровнем жизни избранных меньшинств гораздо меньше, чем в Европе. История, как и сельское хозяйство, черпает свое богатство в долинах, а не на горных вершинах; ее питает средний слой общества, а не выдающиеся личности.

Мы живем в эпоху всеобщей нивелировки; происходит выравнивание богатств, прав, культуры, классов, полов. Происходит и выравнивание континентов. Так как средний уровень жизни в Европе был ниже, от этой нивелировки она может только выиграть. С этой точки зрения, восстание масс означает огромный рост жизненных возможностей, то есть обратное тому, что мы слышим так часто о "закате Европы". Это выражение топорно, да и вообще неясно, что, собственно, имеется в виду – государства Европы, культура или то, что глубже и бесконечно важнее всего остального, – жизненная сила? О государствах и о культуре Европы мы скажем позже (хотя, быть может, достаточно и этого); что же до истощения жизненной силы, нужно сразу разъяснить, что тут – грубая ошибка. Быть может, если я исправлю ее сейчас же, мои утверждения покажутся более убедительными или менее неправдоподобными; теперь средний итальянец, испанец или немец менее разнятся в жизненной силе от янки или аргентинца, чем тридцать лет назад. Этого американцы не должны забывать.

III. Полнота времен

Итак, господство масс имеет и положительную сторону: оно способствует подъему исторического уровня и показывает наглядно, что средний уровень жизни сегодня выше, чем был вчера. Это напоминает нам, что жизнь может протекать на разных высотах и что выражение "уровень эпохи", часто употребляемое бессознательно, полно глубокого смысла. Мы должны задержаться на этом, так как это дает нам возможность установить одну из самых поразительных черт нашего века.

Принято говорить, например, что то или иное явление не стоит своей эпохи. Здесь имеется в виду, конечно, не абстрактное время, у которого нет ступеней, а время, которое каждое поколение называет «нашим»; оно может сегодня быть на высшем уровне, чем вчера, или держаться на том же самом,

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
или снижаться. Идея падения, заключенная в слове «упадок», вытекает именно из этого представления о разных уровнях времени. Каждый человек, ощущает более или менее ясно соотношение между его личной жизнью и уровнем его века. Некоторые чувствуют себя в современных условиях как потерпевшие кораблекрушение, которые не могут удержаться на поверхности моря. Быстрый темп сегодняшней жизни, сила и энергия, необходимые для нее, пугают и мучают человека старого склада, а страх и боль выражают собою разницу между биением его пульса и пульса нашего времени. С другой стороны, тот, кто легко и с удовольствием воспринимает все формы сегодняшней жизни, ясно сознает соотношение между уровнем нашего века и предшествующих эпох. Каково это соотношение?

Было бы заблуждением предполагать, что человек одной эпохи непременно считает все прошлые эпохи низкими по уровню только потому, что они прошлые. Достаточно вспомнить «речение» Хорхе Манрике: "Время было лучше всегда". Но и это неверно. Не всякая эпоха чувствовала себя ниже предыдущих, и не всякая считала себя выше их. Каждый исторический период иначе, по-своему, ощущает столь странное, неуловимое явление, как «уровень». Удивительно, что мыслители и историки никогда не обращали внимания на такой очевидный и существенный факт.

Мнение Хорхе Манрике, вообще говоря, распространенней. Большая часть исторических эпох не считала свое время лучшим; наоборот, обычно вспоминали "доброе старое время" – "золотой век" у нас, воспитанных Грецией и Римом, и Альчеринги – у австралийских дикарей. Люди чувствовали, что пульс их жизни неполон, и смотрели с почтением на прошлое, на «классические» эпохи, чья жизнь им казалась полнее, богаче, совершеннее и напряженнее, чем их собственная. Глядя назад и видя там эпохи более совершенные, они чувствовали не превосходство свое, а падение, словно упала ртуть в термометре. Начиная со 150 года по Р.Х. ощущение убывающей жизни, снижения уровня, упадка, утраты все возрастало в Римской империи. Собственно, еще Гораций сказал: "Отцы наши хуже наших дедов, зачали нас, еще худших, мы же породили совсем плохих" ("Оды", кн. III, 6). Двести лет спустя во всей Империи уже не хватало мужчин, рожденных в Италии, чтобы занять должности центуриона, и приходилось нанимать сперва далматинцев, позднее варваров с Дуная и Рейна. Тем временем и женщины стали бесплодны, Италия обезлюдела.

Обратимся к другому типу эпох, жизненное ощущение которых прямо обратно предыдущему. Здесь перед нами крайне интересное явление, и для нас очень важно определить его поточней. Когда на пороге XX века политики критиковали перед толпой ошибки и эксцессы правительства, они обычно мотивировали это тем, что некие меры "недопустимы в наш век прогресса". Любопытное совпадение: ту же форму мы находим в знаменитом письме Траяна Плинию, где император рекомендует не преследовать христиан по анонимным доносам: "Nec nostri saeculi est" ("не подобаает нашему времени"). Значит, в истории были эпохи, которые чувствовали себя достигшими полной, окончательной высоты; были времена, когда люди верили, что они подходят к концу долгого странствия, к достижению заветной цели, к исполнению древних чаяний. Это – "исполнение времен", полная зрелость исторической жизни. Действительно, в начале XX века европеец верил, что человеческая жизнь, наконец, стала тем, к чему издавна стремились все поколения, тем, чем она отныне будет всегда. "Эпохи исполнения" всегда ощущают себя конечным результатом многих подготовительных этапов, предыдущих эпох, не достигших полноты, низших по развитию, над которыми "эпоха исполнения" доминирует. Этой эпохе с ее высоты кажется, что все подготовительные периоды были преисполнены мечтаний, неудовлетворенных желаний, неосуществимых иллюзий, нетерпеливых предтеч, конечная цель и несовершенная действительность болезненно противоречили друг другу. XIX век смотрел так на средневековье. Наконец наступает день, когда давнишняя, многовековая мечта, по-видимому, осуществляется; действительность принимает ее и подчиняется ей. Мы достигли высот, маячивших перед нами, цели, к которой мы стремились, исполнения времен! Горестное "еще нет" сменяется торжествующим "наконец-то!".

Так воспринимали свою эпоху поколение наших отцов и весь XIX век. Не забывайте, нашему времени предшествовала эпоха "исполнения времен"! Отсюда неизбежно следует, что человек, принадлежащий к этому старому миру, глядящий на все глазами прошлого века, будет страдать оптической иллюзией: наш век будет казаться ему упадком, декадансом.

Но тот, кто издавна любит историю, кто научился различать пульс эпохи, не поддастся иллюзии и не поверит в мнимую "полноту времен".

Как я уже сказал, для наступления "полноты времен" необходимо, чтобы заветная мечта, пронесенная через столетия, наполненные мучительными, страстными исканиями, в один прекрасный день была достигнута. Тогда настает удовлетворение, эпоха "исполнения времен". И впрямь, такая эпоха очень довольна собой; иногда, как в XIX веке, слишком самодовольна. Но сейчас мы начинаем понимать, что эпохи самоудовольнения – снаружи такие гладкие и блестящие – внутренне мертвы. Подлинная полнота жизни – не в покое удовлетворенности, а в процессе достижения, в моменте прибытия. Как сказал Сервантес, "путь всегда лучше, чем отдых". Когда эпоха удовлетворяет все свои желания, свои идеалы, это значит, что желаний больше нет, источник желаний иссяк. Значит, эпоха пресловутой удовлетворенности – это начало конца. Есть эпохи, которые не умеют обновить свои желания; они умирают, как счастливые трутни после брачного полета. Вот почему эпохи "исполнения чаяний" в глубине сознания всегда ощущают странную тоску.

Цели и стремления, которые так долго вызревали и, наконец, в XIX веке, казалось бы, осуществились, получили название "новейшей культуры". Самое имя вызывает сомнения: эпоха называет себя новейшей, т. е. окончательной заключительной, перед которой все остальное – лишь скромная подготовка, как бы стрелы, не попавшие в цель.

Не подходим ли мы к самой сущности различия между нашей эпохой и действительной, только что отошедшей в прошлое? Ведь наше время действительно не считает себя окончательным; в глубине нашего сознания мы находим, хотя и смутно, интуитивное подозрение, что таких совершенных, законченных, навеки кристаллизованных эпох вообще не бывает, наоборот: претензия какой-то "новейшей культуры" на законченность и совершенство – заблуждение, навязчивая идея, которая свидетельствует о том, что сильно сузилось поле зрения. Почувствовав так, мы испытываем огромное облегчение, словно из замурованного склепа мы выбрались снова на свободу, под звездное небо, в живой мир, неизмеримый, страшный, непредвидимый и неисчерпаемый, где возможно все, и хорошее, и плохое.

Вера в "новейшую культуру" была унылой. Люди верили, что завтра будет то же, что и сегодня, что прогресс состоит только в движении вперед, по одной и той же дороге, такой же, как пройденная нами. Это уже и не дорога, а растяжимая тюрьма, из которой не выйти.

Когда в начале Империи какой-нибудь образованный провинциал, например, Лукиан или Сенека, прибывал в Рим и видел величественные здания, символ совершенного могущества у него сжималось сердце: ничего нового быть не может. Рим вечен. Если меланхолия исходит от руин, как запах тления от стоячих вод, то и в Риме чуткий провинциал ощущал меланхолию не менее острую, но обратного смысла – меланхолию вечности.

По сравнению с этим не напоминает ли наша эпоха шаловливую резвость детей, вырвавшихся из школы? Сегодня мы ничего уже не знаем о том, что будет завтра, и это нас втайне радует, ибо непредвидимое, таящее в себе все возможности, – вот настоящая жизнь, вот полнота жизни!

Этот диагноз, который, конечно, имеет свою обратную сторону, противоречит толкам об упадке, излюбленной теме многих современных авторов. Толки эти основаны на оптическом обмане, имеющем много причин. Позже мы рассмотрим некоторые из них. Сейчас я хочу остановиться на одной, самой очевидной. Ошибка в том, что, следуя определенной идеологии, – на мой взгляд, неверной, – из всей истории принимают во внимание только политику и культуру упуская из внимания, что это лишь поверхность. Историческая реальность коренится в более древнем и глубоко пласте – в биологической vitalности, в жизненной силе, подобной силам космическим; это не сама космическая сила, не природная, но родственная той, что колышет море, оплодотворяет зверя, покрывает дерево цветами, зажигает и гасит звезды.

Взамен толков об упадке я предлагаю такое рассуждение.

Понятие «упадка» основано, конечно, на сравнении. Падают сверху вниз. Хорошо; но сравнение это можно вести с самых различных точек зрения. Для фабриканта мундштуков жизнь в упадке, когда люди курят без мундштука. Другие подходы серьезнее, но, строго говоря, они так же односторонни, произвольны и поверхностны в своем отношении к самой жизни, ценность и уровень которой мы хотим определить. Есть только один правильный,

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
естественный подход: самому войти в нутро жизни, наблюдать ее изнутри и следить, чувствует ли она сама себя в упадке, т. е. слабеет, вянет, идет вниз или нет?

Если даже наблюдать жизнь изнутри, как узнать, что она чувствует? Для меня решает такой симптом: эпоха, которая настоящее предпочитает прошлому, никак не может считаться упадочной. К этому и шел весь мой экскурс об "уровне эпохи". Он говорит нам, что наше время занимает весьма странную, еще небывалую позицию.

В салонах прошлого века дамы и искусные поэты неизменно задавали друг другу вопрос: "В какую эпоху вы хотели бы жить?" Каждый начинал блуждать по путям истории в поисках эпохи, которая подходит к его личности, ибо XIX век, хотя и считал себя самой совершенной эпохой, был тесно связан с прошлым, стоял у него на плечах; он чувствовал себя кульминацией, завершением всего прошлого. Поэтому он еще верил в классические периоды – век Перикла, Ренессанс, – когда были созданы ценности, какими он сам теперь пользовался. Этого одного было бы достаточно, чтобы внушить нам недоверие к "эпохам полноты": они обращены лицом назад, в прошлое, которое, по их мнению, завершают.

Ну, хорошо. А каков был бы откровенный ответ представителя нашего века? Я думаю, что тут не может быть никакого сомнения: всякая прошлая эпоха, без исключения, показалась бы ему тесной камерой, в которой он не мог бы дышать. Значит, современное человечество чувствует, что его жизнь – в большей степени жизнь, чем любая прошлая; или наоборот: для современного человечества все прошлое сделалось слишком малым. Это жизнеощущение современных людей своей категоричной ясностью опрокидывает все измышления об упадке, как непродуманные и поверхностные.

В наше время жизнь имеет – и ощущает в себе – больший размах, чем когда бы то ни было. Как же она могла бы чувствовать себя на ущербе? Наоборот, именно потому, что она чувствует себя сильнее, «живее» всех предыдущих эпох, она потеряла всякое уважение, всякое внимание к прошлому. Таким образом, мы впервые встречаем в истории эпоху, которая начисто отказывается от всякого наследства, не признает никаких образцов и норм, оставленных нам прошлым, и, являясь преемницей многовековой непрерывной эволюции, представляется нам увертюрой, утренней зарей, детством. Мы оглядываемся назад, и прославленный Ренессанс начинает казаться нам узким, провинциальным, напыщенным, и – будем откровенны – банальным.

Не так давно я обобщил это в следующих словах: "Решительный разрыв настоящего с прошлым – характеристика нашей эпохи. Он таит в себе подозрение, более или менее смутное, которое и вызывает смуту, столь характерную для сегодняшней жизни. Мы чувствуем, что мы как-то внезапно остались одни на земле; что мертвые не только оставили нас, но исчезли совсем, навсегда; что они больше не могут помогать нам. Все остатки традиционного духа исчезли. Образцы, нормы, стандарты больше нам не служат. Мы обречены разрешать наши проблемы без содействия прошлого, будь то в искусстве, науке или политике. Европейец одинок, рядом нет ни единой живой души, он – как Питер Шлемиль, потерявший свою тень. Так всегда бывает в полдень.

Итак, каков же уровень нашей эпохи? Это не "полнота времен"; и, тем не менее, наша эпоха чувствует себя выше всех предыдущих эпох, включая и эпохи «полноты». Нелегко формулировать мнение нашей поры о самой себе: она верит, что она больше всех других, но ощущает себя началом; и в то же время не уверена, что это не агония. Как выразить наше ощущение? Может быть, так: выше всех грядущих эпох, ниже самой себя; сильна бесспорно и неуверенна в своей судьбе; горда своей силой и сама ее боится.

IV. Рост жизни

Господство масс, повышение уровня и возвещаемая им высота эпохи – лишь симптомы более общего явления. Оно почти абсурдно и невероятно, несмотря на свою самоочевидность. Дело в том, что наш мир как-то внезапно разросся, увеличился, а вместе с ним расширился и наш жизненный кругозор. В последнее время кругозор этот охватывает весь земной шар; каждый индивидуум, каждый средний человек принимает участие в жизни всей планеты. Год тому назад

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
жители Севильи могли следить по газетам, час за часом, за тем, что происходило с группой людей на Северном полюсе; ледяные горы как бы появились среди раскаленных полей Андалусии. Каждый клочок земли больше не изолирован в своих геометрических пределах, но взаимодействует с другими частями планеты. Согласно закону физики, гласящему, что вещи находятся там, где они действуют, мы можем назвать вездесущей каждую точку земного шара. Эта близость дали, это присутствие отсутствующего расширили до фантастических размеров кругозор каждого отдельного человека.

Мир вырос и во времени. Предыстория и археология открыли нам исторические области невероятной давности. Целые цивилизации и империи, о которых мы до сих пор и не подозревали, включены в наш духовный мир, как новые континенты. Иллюстрированные журналы и фильмы немедленно демонстрируют эти вновь открытые недосыгаемые миры широкой публике.

Но этот пространственно-временной рост мира сам по себе еще ничего не значит. Пространство и время в физическом смысле – абсолютно бездушные категории космоса. Поэтому тот культ скорости, которым охвачено наше поколение, имеет больше смысла и оснований, чем это кажется на первый взгляд. Скорость, производная времени и пространства, ничуть не разумней своих составляющих; но она служит их преодолению. Глупость можно победить только другой глупостью. Победа над космическим временем и пространством (которые сами по себе не имеют никакого смысла) была вопросом чести для современного человечества [1 – именно потому, что жизнь человеческая ограничена во времени, человек смертен, он должен преодолеть пространство и время. Для бессмертного божества автомобиль бы не имел смысла – прим. автора]; и нет ничего странного в том, что мы испытываем детскую радость, развивая такую скорость, которая пожирает пространство и душит время.

Уничтожая их, мы даем им жизнь, заставляем их служить жизненному процессу; мы можем посетить больше мест, пережить больше приездов и отъездов, вместить больше космического времени в меньший срок времени житейского.

Но, в конечном счете, рост мира – не в размере его, а в том, что он вмещает больше вещей. Всякая вещь – в самом широком смысле слова – то, что мы можем желать, замыслить, сделать, уничтожить, найти, потерять, принять, отвергнуть, – все слова, означающие жизненные процессы.

Возьмем любой род нашей деятельности, хотя бы покупку. Представим себе двух людей, одного – нашего современника, другого – из XVIII века, обладающих одинаковой покупательной способностью (учитывая разницу валют), и сравним их возможности – выбор предметов. Разница колоссальная. У нашего современника практически неограниченные возможности. Трудно себе представить вещь, которой он не мог бы получить. И наоборот: нельзя себе представить покупателя, способного купить все, что выставлено на продажу. Могут возразить, что при равных средствах оба покупателя получают одно и то же. Это неверно. Сегодня машинное производство значительно удешевило все изделия. Но даже если бы и так, это не опровергает, а скорее подтверждает мою мысль.

Покупка завершается в тот момент, когда покупатель остановился на одном предмете; до этого происходит выбор, который начинается с того, что покупатель знакомится с возможностями, какие предлагает рынок. Из этого следует, что наша «жизнь» при акте покупки сводится главным образом к переживанию предоставляющихся возможностей. Когда говорят о нашей жизни, обычно забывают то, что мне кажется самым существенным: жизнь наша в каждый момент состоит из осознания наших возможностей. Если бы в каждый момент перед нами была лишь одна возможность, это была бы уже не «возможность», а просто необходимость. Однако вторая возможность всегда есть; как это ни странно, но в нашей жизни всегда есть варианты, которые дают нам возможность сделать выбор [2 – В худшем случае, когда мир не предлагает нам второго выхода, он у нас все же остается в запасе – уйти из этого мира. Уход из мира – часть мира, как дверь – часть комнаты. – прим. автора]. Жить – это, значит, пребывать в кругу определенных возможностей, которые зовутся «обстоятельствами». Жизнь в том и заключается, что мы – внутри «обстоятельств», или «мира». Иначе говоря, это и есть "наш мир" в подлинном значении этого слова. «Мир» не что-то чуждое нам, вне нас лежащее; он неотделим от нас самих, он – наша собственная периферия, он – совокупность наших житейских возможностей. Мы можем реализовать, осуществить лишь ничтожную часть этих возможностей. Вот почему мир кажется нам столь громадным, а мы сами себе – столь ничтожными. Мир, т. е. наша возможная

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoffo.org
жизнь, всегда больше, чем наша судьба, то есть жизнь действительная.

Я хочу теперь показать, насколько за последнее время возросли потенции жизни. Пределы возможностей расширились невероятно. В области интеллектуальной появились новые пути мышления, новые проблемы, новые данные, новые науки, новые точки зрения. В примитивном обществе занятия или профессии можно пересчитать на пальцах: пастух, охотник, воин, колдун; список сегодняшних профессий возрос до бесконечности. То же и в области развлечений, хотя (и это важнее, чем кажется) репертуар их не так обогатился, как другие области жизни. Тем не менее, для горожан среднего класса, – а современную жизнь представляет именно город, – возможности развлечений за последнее столетие возросли невероятно.

Но рост потенциальной жизни далеко не исчерпывается всем перечисленным. Жизнь возросла еще в одном смысле, более непосредственном и таинственном. Как известно, в области физического развития и спорта достижения нашего времени далеко оставляют за собою все рекорды прошлых времен. Дело не в отдельных рекордах; но их количество и постоянство, с каким они все улучшаются, вселяют в нас убеждение, что в наше время сам человеческий организм стал более совершенным, чем когда-либо прежде. Ведь нечто подобное наблюдается и в области науки. За самое короткое время наука раздвинула свой космический горизонт с невероятной силой. Физика Эйнштейна открывает такие перспективы, что рядом с ними старый мир Ньютона кажется крохотной клетушкой [3 – Мир Ньютона был бесконечен, но эта бесконечность носила не конкретный, не материальный характер; это просто обобщение, абстракция, бессодержательная утопия. Мир Эйнштейна конечен, но конкретен и наполнен во всех своих частях; следовательно, он богаче содержанием и тем фактически больше – прим. автора]. Экспансия эта стала возможной благодаря уточнению и совершенству научных методов. Физика Эйнштейна выросла из анализа бесконечно малых различий, которыми раньше пренебрегали ввиду их незначительности. Атом, еще вчера бывший мельчайшим пределом мира, сегодня превращается в целую планетную систему. Во всем этом меня сейчас занимает не совершенство нашей культуры, но рост наших личных физических сил, в этом проявляющийся. Не то важно, что физика Эйнштейна совершеннее, чем физика Ньютона, а то, что сам Эйнштейн как человек оказался способным на большую точность и свободу духа [4 – Свобода духа, т. е. сила интеллекта, измеряется способностью расщеплять понятия, традиционно неразделимые. Процесс диссоциации гораздо труднее, чем процесс ассоциации, как показал Келер своими наблюдениями над разумом шимпанзе. Сегодня человеческий ум обладает такой способностью диссоциации, как никогда раньше. – прим. автора], чем человек Ньютон, точно так же, как сегодняшний чемпион бокса превосходит всех своих предшественников.

Кино и иллюстрированные журналы показывают заурядному зрителю отдаленные части планеты, только что освоенные человеком; газеты и разговоры знакомят заурядного человека с завоеваниями человеческого интеллекта, воплощенными в изобретения, в технику, в те аппараты и чудеса, которые этот заурядный человек видит в витринах магазинов. Все это создает в его мозгу впечатление фантастического всемогущества.

Я не хочу сказать, что сейчас человеческая жизнь лучше, чем в прошлом. Я говорю не о качестве сегодняшней жизни, но лишь о количественном или потенциальном ее росте, стремясь поточнее описать самосознание современного человека, тонус его жизни, характерная черта которой – ощущение такой потенциальной силы, что по сравнению с нею все прошлые века кажутся карликами.

Описание было необходимо, чтобы опровергнуть те жалобы и вздохи по поводу упадка (в особенности на Западе), которые наводнили последнее десятилетие. Возвращаясь к тому доводу, который я уже приводил, ибо он кажется мне простым и убедительным: бесполезно говорить об «упадке» вообще, не уточняя, что именно приходит в упадок. Относится ли этот мрачный приговор ко всей нашей культуре? Или в упадке национальные организации Европы? Допустим, что так. Но можно ли тогда говорить об упадке Запада? Ни в коем случае. Ведь это упадок относительный, частичный, захватывающий лишь второстепенные элементы истории, культуру и нации. Есть только один вид абсолютного упадка – убывание жизненной силы; и существует он лишь тогда, когда мы его ощущаем. Именно поэтому я так подробно остановился на том, что обычно упускают из виду: как сознает или ощущает эпоха свою жизненную силу.

Это и привело нас к разговору о «полноте», "расцвете", которые ощущали

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
некоторые эпохи в противоположность другим, которые, наоборот, чувствовали снижение, упадок по сравнению с прошлым "золотым веком". В заключение я отметил очевидный факт: характерные черты нашего времени – его странная уверенность в том, что оно выше всех предыдущих эпох; его полное пренебрежение ко всему прошлому, непризнание классических и нормативных эпох, ощущение начала новой жизни, превосходящей все прежнее и независимой от прошлого.

Я сомневаюсь, чтобы можно было правильно понять наше время без твердого усвоения этих типичных черт его, ибо именно в этом вся проблема. Если бы наш век считал себя упадочным, он считал бы прошлые века выше себя, он уважал бы их, восхищался ими, почитал бы принципы, ими исповедуемые. Он держался бы открыто и твердо старых идеалов, хотя сам и смог бы их осуществить. На деле мы видим обратное: наш век глубоко уверен в своих творческих способностях, но при этом не знает, что ему творить. Хозяин всего мира, он не хозяин самому себе. Он растерян среди изобилия. Обладая большими средствами, большими знаниями, большей техникой, чем все предыдущие эпохи, наш век ведет себя, как самый убогий из всех; плывет по течению.

Отсюда эта странная двойственность: всемогущество и неуверенность, уживающиеся в душе поколения. Поневоле вспомнишь то, что говорили о Филиппе Орлеанском, регенте Франции в детстве Людовика XV: у него есть все таланты, кроме одного, – умения ими пользоваться.

XIX веку, твердо верившему в прогресс, многое казалось уже невозможным. Теперь все снова становится возможным, и мы готовы предвидеть и самое худшее – упадок, варварство, регресс [5 – Отсюда и рождаются теории упадка. Дело не в том, что мы чувствуем в себе упадок, а в том, что все в будущем возможно, включая это. – прим. автора]. Такое ощущение само по себе неплохой симптом: это значит, что мы вновь вступаем в ту атмосферу неуверенности, которая присуща всякой подлинной жизни; что мы вновь узнаем тревогу неизвестности, и мучительную, и сладостную, которой насыщено каждое мгновение, если мы умеем прожить его сполна. Мы привыкли избегать этого жуткого трепета, мы старались успокаивать себя, всеми средствами заглушать в себе предчувствие глубинной трагичности нашей судьбы. Сейчас – впервые за последние три века – мы вдруг растерянно сознаем свою полную неуверенность в завтрашнем дне. И это отрезвление благотворно для нас.

Тот, кто относится к жизни серьезно и принимает всю полноту ответственности, ощущает постоянную скрытую опасность и всегда настороже. В римских легионах часовой должен был держать палец на губах, чтобы не задремать. Неплохой жест, он как бы предписывает полное молчание в тишине ночи, чтобы уловить малейший звук зарождающегося будущего. Безопасность эпох расцвета, например, XIX века, – оптический обман, иллюзия; она ведет к тому, что люди не заботятся о будущем, предоставляя все "механизму вселенной". И прогрессивный либерализм, и социализм Маркса предполагают, что их стремления к лучшему будущему осуществляются сами собой, неминуемо, как в астрономии. Защитившись этой идеей от самих себя, они выпустили из рук управление историей, забыли о бдительности, утратили живость и силу. И вот жизнь ускользнула из их рук, стала непокорной, своевольной и несется, никем не управляемая, неведомо куда. Прикрывшись маской благого будущего, «прогрессист» о будущем не заботится, – он уверен, что оно не таит ни сюрпризов, ни существенных изменений, ни скачков в сторону. Убежденный, что мир пойдет по прямой, без поворотов, без возврата назад, он откладывает всякое попечение о будущем и целиком погружен в утвержденное настоящее. Нужно ли удивляться, что сегодня в нашем мире нет ни планов, ни целей, ни идеалов. Никто не готовил их. Правящее меньшинство покинуло свой пост, что всегда бывает обратной стороной восстания масс.

Пора нам вернуться к этой теме. После того, как мы подчеркнули благоприятную сторону господства масс, мы должны обратиться к другой стороне, более опасной.

V. Статистический факт

Это исследование – попытка поставить диагноз нашей эпохе, нашей современной жизни. Мы изложили первую часть диагноза, которую можно резюмировать так: как запас возможностей, наша эпоха великолепна, изобильна, превосходит все

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
известное нам в истории. Но именно благодаря своему размаху она опрокинула все заставы – принципы, нормы и идеалы, установленные традицией. Наша жизнь – напряженная, насыщенная, чем все предыдущие, и тем самым более проблематичная. Она не может ориентироваться на прошлое, она должна создать свою собственную судьбу. Мы, однако, увидим, как можно взять из прошлого если не позитивные указания, то хотя бы некоторые негативные советы. Прошлое не может сказать, что нам делать. Но оно может предупредить, чего нам не делать.

Теперь мы должны дополнить наш диагноз. Наша жизнь – это, прежде всего то, чем мы можем стать, т. е. возможная, потенциальная жизнь; в то же время она – выбор между возможностями, т. е. решение в пользу того, что мы выбираем и осуществляем на деле. Обстоятельства и решение – вот два основных элемента, из которых складывается жизнь. Обстоятельства, иначе говоря, возможности – это данная нам часть нашей жизни, независимая от нас; это то, что мы называем нашим миром. Жизнь не выбирает себе мира; она протекает в мире уже установленном, неизменяемом. Наш мир – это элемент фатальной необходимости в нашей жизни. Но эта фатальность не механична, не абсолютна. Мы не выброшены в мир, как пуля из ружья, которая летит по точно предначертанной траектории. Совсем наоборот: выбрасывая нас в этот мир, судьба дает нам на выбор несколько траекторий и тем заставляет нас выбирать одну из них. Поразительное условие нашей жизни! Сама судьба принуждает нас к свободе, к свободному выбору и решению, чем нам стать в этом мире. Каждую минуту она заставляет нас принимать решения. Даже когда в полном отчаянии мы говорим: "Будь что будет!" – даже и тут мы принимаем решение.

Итак, неверно, будто в жизни "все решают обстоятельства". Наоборот, обстоятельства – это дилемма, каждый раз новая, которую мы должны решать. И решает ее наш характер.

Все сказанное приложимо и к общественной жизни. И там дан, прежде всего, круг возможностей, а затем выбор и решение в пользу тех или иных форм общежития. Это решение зависит от характера общества или, что то же самое, от типа людей в нем преобладающих. В наше время преобладает человек массы, решение выносит он. Это совсем не то, что было в эпоху демократии и всеобщего избирательного права. Там массы сами не решали; их роль была лишь в том, чтобы присоединиться к решению той или иной группы меньшинства. Эти группы представляли свои «программы» общественной жизни, и массам предлагалось лишь поддержать готовый проект.

Сейчас происходит нечто совсем иное. Наблюдая общественную жизнь в странах, где господство масс продвинулось далее всего, – в странах Средиземноморья, – мы с удивлением замечаем, что там политически живут сегодняшним днем. В высшей степени странно! Общественная власть находится в руках представителей массы, которые настолько сильны, что подавляют всякую оппозицию. Их власть исключительна, трудно найти в истории пример такого всемогущества. И тем не менее, правительство живет со дня на день. Оно не говорит ясно о будущем, и, судя по его действиям, это не начало новой эпохи, нового развития и эволюции. Короче, оно живет без жизненной программы, без плана. Оно не знает, куда идет, ибо, строго говоря, без намеченной цели и предначертанного пути оно вообще никуда не идет. Когда это правительство выступает с заявлениями, оно, не упоминая о будущем, ограничивается настоящим и откровенно признается: "Мы – лишь временное ненастоящее правительство, вызванное к жизни чрезвычайными обстоятельствами". Иными словами – нуждой сегодняшнего дня, но не планами будущего. Поэтому его деятельность сводится к тому, чтобы как-то увертываться от поминутных осложнений и конфликтов; проблемы не разрешаются, а откладываются со дня на день любыми средствами, даже с тем риском, что они скопятся и вызовут грозный конфликт.

Такою всегда была власть, в обществе, управляемом непосредственно массой, – она и всемогуща, и эфемерна. Человеку массы не дано проектировать и планировать, он всегда плывет по течению. Поэтому он ничего не создает, как бы велики его возможности и его власть.

Таков человек, который в наше время стоит у власти и решает. Займемся поэтому анализом его характера.

Ключ к этому анализу мы найдем, если вернемся к началу исследования и поставим себе вопрос: откуда пришли те массы, которые наполняют и переполняют сейчас историческую сцену?

Несколько лет тому назад известный экономист Вернер Зомбарт указал на один простой факт, который должен был бы запомнить каждый, интересующийся современными событиями. Этот простой факт сам по себе достаточен, чтобы дать нам ясное представление о современной Европе; а если он и не достаточен, то все же указывает путь, который нам все раскроет Суть в следующем. За всю европейскую историю с VI века вплоть до 1800 года, то есть в течение 12 столетий, население Европы никогда не превышало 180 миллионов.

Но с 1800 по 1914-й, т. е. за одно столетие с небольшим, население Европы возросло со 180 до 460 миллионов! Сопоставив эти цифры, мы убедимся в производительной силе прошлого столетия. В течение трех поколений оно массами производило человеческий материал, который, как поток, обрушился на поле истории, затопляя его. Этого достаточно для объяснения, как триумфа масс, так и всего, что он выражает и возвещает. В то же время это подтверждает самым наглядным образом то повышение жизненного уровня, на которое я указывал.

Но одновременно это показывает, насколько необоснованно восхищение, какое вызывает в нас расцвет новых стран, вроде США. Нас поражает рост их населения, которое в течение одного столетия достигло 100 миллионов, и мы не замечаем, что это лишь результат изумительной плодовитости Европы. Здесь я вижу еще один аргумент для опровержения басни об американизации Европы. Рост населения Америки, который считается наиболее характерной ее чертой, вовсе не ее особенность. Европа за прошлое столетие выросла гораздо больше, Америка же наполнилась за счет избытка населения Европы.

Хотя подсчет Зомбарта и не так известен, как он того заслуживает, все же факт необычайного роста населения не тайна и сам по себе не заслуживал бы упоминания. Дело, собственно, не в нем самом, а в головокружительной быстроте этого роста и в последствиях его: массы людей таким ускоренным темпом вливались на сцену истории, что у них не было времени, чтобы в достаточной мере приобщиться к традиционной культуре.

В действительности духовная структура современного среднего европейца гораздо здоровее и сильнее, чем у человека былых столетий. Она только гораздо проще, и потому такой средний европеец иногда производит впечатление примитивного человека, внезапно очутившегося среди старой цивилизации. Школы, которыми прошлое столетие так гордились, успевали преподавать массам лишь внешние формы, технику современной жизни; дать им подлинное воспитание школы эти не могли. Их наспех научили пользоваться современными аппаратами и инструментами, но не дали им понятия о великих исторических задачах и обязанностях; их приучили гордиться мощью современной техники, но им ничего не говорили о духе. Поэтому о духе массы не имеют и понятия; новые поколения берут в свои руки господство над миром так, как если бы мир был первобытным раем без следов прошлого, без унаследованных, сложных, традиционных проблем.

XIX веку принадлежит и слава, и ответственность за то, что он выпустил широкие массы на арену истории. Это отправной пункт для справедливого суждения о веке. Нечто необычное, исключительное, должно быть, в нем заложено, если он смог дать такой прирост человеческого материала. Было бы нелогично и произвольно отдавать предпочтение принципам прошлых эпох, пока мы не уяснили себе этого грандиозного явления и не сделали из него выводов. Вся история в целом представляется нам гигантской лабораторией, где производятся всевозможные опыты, чтобы найти формулу общественной жизни, наиболее благоприятную для выращивания «человека». И, опрокидывая все мудрые теории, перед нами встает факт: население Европы под действием двух факторов – либеральной демократии и «техники» – за одно лишь столетие утроилось!

Этот поразительный факт приводит нас по законам логики к следующим заключениям: 1) либеральная демократия, снабженная творческой техникой, представляет собою наивысшую из всех известных нам форм общественной жизни; 2) если эта форма и не лучшая из всех возможных, то каждая лучшая будет построена на тех же принципах; 3) возврат к форме низшей, чем форма XIX века, был бы самоубийством.

Признав это со всей ясностью, необходимой по сути дела, мы должны теперь обратиться против XIX века. Если он в некоторых отношениях оказался

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
исключительным и несравненным, то он столь же, очевидно, страдал коренными пороками, так как он создал новую породу людей – мятежного "человека массы". Теперь эти восставшие массы угрожают тем самым принципам, которым они обязаны жизнью. Если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, через каких-нибудь 30 лет Европа вернется к варварству. Наш правовой строй и вся наша техника исчезнут с лица земли так же легко, как и многие достижения былых веков и культур [6 – Герман Вейль, один из крупнейших современных физиков, сотрудник и продолжатель дела Эйнштейна, как-то сказал, что если бы 10 или 12 из наших видных ученых внезапно умерли, то почти наверно многие чудеса современной физики были бы навсегда утрачены для человечества. Работа многих столетий была необходима для того, чтобы приспособить наш мыслительный аппарат к абстрактной сложности физики. Каждая случайность может свести на нет все чудесные возможности человечества, на которых к тому же стоит и техническая культура – прим. автора]. Вся жизнь оскудеет и увянет. Сегодняшнее изобилие возможностей сменится всеобщим недостатком; это будет подлинный упадок и закат. Ибо восстание масс – это то самое, что Вальтер Ратенау назвал "вертикальным вторжением варварства".

Поэтому необходимо основательнее познакомиться с "человеком массы", в котором кроются в потенции, как высшее благо, так и высшее зло.

VI. Анализ человека массы

Кто же этот "человек массы", который пришел теперь к власти в общественной жизни, и в политической, и в неполитической? Почему он таков, каков он есть, иначе говоря, откуда он взялся?

Попробуем дать общий ответ на оба вопроса, так как они тесно связаны друг с другом. Человек, который сегодня хочет руководить жизнью Европы, очень отличается от вождей XIX века, родившего его самого. Прозорливые умы уже в 1820, 1850 и 1880 годах при помощи чисто априорного мышления сумели предвидеть серьезность нынешнего положения. "Массы двинулись вперед! – заявил Гегель апокалиптическим тоном... "Без новой духовной силы наш век – век революций – придет к катастрофе!" – возвестил Огюст Конт... "Я вижу растущий прилив нигилизма", – крикнул с Энгадинской скалы Ницше.

Неверно, будто историю нельзя предвидеть. Бессчетное число раз она была предсказана. Если бы будущее не открывалось пророкам, его не могли бы понять ни в момент его осуществления, ни позже, когда оно уже стало прошлым. Мысль, что историк – не что иное, как обратная сторона пророка, пронизывает всю философию истории. Конечно, можно предвосхитить только общую схему будущего, но ведь, по существу, мы не больше того воспринимаем и в настоящем, и в прошлом. Чтобы видеть целую эпоху, надо смотреть издалека.

Какою представлялась жизнь тому человеку массы, которого XIX век производил все в больших количествах? Прежде всего, он ощущал общее материальное улучшение. Никогда раньше средний человек не решал своих экономических проблем с такой легкостью. Наследственные богачи относительно беднели, индустриальные рабочие обращались в пролетариев, а люди среднего калибра с каждым днем расширяли свой экономический горизонт. Каждый день вносил что-то новое и обогащал жизненный стандарт. С каждым днем положение укреплялось, независимость росла. То, что раньше считалось бы особой милостью судьбы и вызывало умиленную благодарность, теперь рассматривалось как законное благо, за которое не благодарят, которого требуют.

С 1900 года и рабочие начинают жить лучше. Тем не менее, им приходится вести борьбу за свои права. В отличие от среднего человека они не получают все готовым от чудесно организованных общества и государства.

К этому облегчению жизни и к экономической обеспеченности присоединяются физические блага, комфорт, общественный порядок. Жизнь катится, как по рельсам, и нет опасений, что ее нарушит насилие или беда.

Такая свободная нестесненная жизнь неминуемо должна была вызвать "в средних душах" ощущение, которое можно выразить словами старой испанской поговорки: "Широка наша Кастилья!" "Новый человек" ощущал, что жизнь его – освобождение от бремени, от всех помех и ограничений. Значение этого факта

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
будет нам ясно, когда мы вспомним, что в прошлые времена такая свобода жизни была абсолютно недоступна для простых людей. Наоборот, для них жизнь была всегда тяжелым бременем, физическим и экономическим. С самого рождения они были окружены запретами и препятствиями, им оставалось одно – страдать, терпеть и приспособляться.

Еще разительнее эта перемена проявилась в области правовой и моральной. Начиная со второй половины [7 – девятнадцатого] века, средний человек уже был свободен от социальных перегородок. Никто не принуждал его сдерживать, подавлять себя – "широка наша Кастилья!" нет больше ни каст, ни сословий. Нет правовых привилегий. Заурядный человек знает, что все люди равны в своих правах.

Никогда еще за всю историю простой человек не жил в условиях, которые хотя бы отдаленно походили на нынешние условия его жизни. Мы действительно стоим перед радикальным изменением человеческой судьбы, произведенным XIX веком. Создан совершенно новый фон, новое поприще для современного человека – и физически, и социально. Три фактора сделали возможным создание этого нового мира: либеральная демократия, экспериментальная наука и индустриализация. Второй и третий можно объединить под именем «техники». Ни один из этих факторов не был созданием века, они появились на два столетия раньше. XIX век провел их в жизнь. Это всеми признано. Но признать факт недостаточно, нужно учесть его неизбежные последствия.

XIX век был по существу революционным, не потому, что он строил баррикады – это деталь, а потому, что он поставил заурядного человека, т. е. огромные социальные массы, в совершенно новые жизненные условия, радикально противоположные прежним. Он перевернул все их бытие. Революция заключается не столько в восстании против старого режима, сколько в установлении нового, обратного прежнему. Поэтому не будет преувеличением сказать, что человек, порожденный XIX веком, по своему общественному положению – человек совершенно новый, отличный от всех прежних. Человек XVIII века, конечно, отличался от своего предка XVI века; но все они схожи, однотипны, даже тождественны по сравнению с новым человеком. Для "простых людей" всех этих веков «жизнь» означала, прежде всего, ограничения, обязанности, зависимость, одним словом – гнет. Можно сказать и «угнетение», понимая под этим не только правовое и социальное, но и «космическое». Его всегда хватало до последнего века, когда начался безграничный расцвет "научной техники" как в физике, так и в управлении. По сравнению с сегодняшним днем старый мир даже богатым и сильным предлагал лишь скудость, затруднения и опасности [8 – как бы ни был богат и силен отдельный человек в сравнении с окружающими, мир был беден и убог, богатство и силы мало использовались. В наши дни средний обыватель живет богаче и привольнее, чем жили владыки прошлых веков. Что за беда, если он не богаче других. Мир стал богаче и дает ему все: великолепные дороги, поезда, телеграф, отели, личную безопасность и аспирин. – Прим. автора].

Мир, окружающий нового человека с самого рождения, ни в чем его не стесняет, ни к чему не принуждает, не ставит никаких запретов, никаких «вето»; наоборот, он сам будит в нем вожеления, которые, теоретически, могут расти бесконечно. Оказывается, – это очень важно, – что мир XIX – начала XX века не только располагает изобилием и совершенством, но и внушает нам полную уверенность в том, что завтра он будет еще богаче, еще обильнее, еще совершеннее, как если бы он обладал неиссякаемой силой развития. Сегодня (несмотря на некоторые трещины в оптимизме) почти никто не сомневается, что через пять лет автомобили будут еще лучше, еще дешевле. В это верят, как в то, что завтра снова взойдет солнце. Сравнение совершенно точно: заурядный человек, видя вокруг себя технически и социально совершенный мир, верит, что его произвела таким сама природа; ему никогда не приходит в голову, что все это создано личными усилиями гениальных людей. Еще меньше он подозревает о том, что без дальнейших усилий этих людей великолепное здание рассыплется в самое короткое время.

Поэтому отметим две основные черты в психологической диаграмме человека массы: безудержный рост жизненных вожелений, а тем самым личности, и принципиальную неблагодарность ко всему, что позволило так хорошо жить. Обе эти черты характерны для хорошо нам знакомой психологии избалованных детей. Мы можем воспользоваться ею как прицелом, чтобы рассмотреть души современных масс. Новый народ, наследник долгого развития общества, богатого идеями и усилиями, избалован окружающим миром. Баловать – значит исполнять все желания, приучить к мысли, что все позволено, что нет никаких

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
запретов и никаких обязанностей. Тот, с кем так обращались, не знает границ. Не испытывая никакого нажима, никаких толчков и столкновений, он привыкает ни с кем не считаться, а главное – никого не признает старшим или высшим. Признание превосходства мог бы вызвать лишь тот, кто заставил бы его отказаться от капризов, укротил бы его, принудил смириться. Тогда он усвоил бы основное правило дисциплины: "Здесь кончается моя воля, начинается воля другого, более сильного. Видимо, на свете я не один, и этот сильнее меня". В былые времена рядовому человеку приходилось ежедневно получать такие уроки элементарной мудрости, так как мир был организован грубо и примитивно, катастрофы были обычны, не было ни изобилия, ни прочности, ни безопасности. Сегодняшние массы живут в изобилии и безопасности; все к их услугам, никаких усилий не надо, подобно тому, как солнце само поднимается над горизонтом без нашей помощи. Не надо благодарить других за воздух, которым ты дышишь, воздуха никто не делал, он просто есть. "Так положено", ведь он всегда налицо. Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа.

Итак, я полагаю, что XIX век создал совершенную организацию нашей жизни во многих ее отраслях. Совершенство это привело к тому, что массы, пользующиеся сейчас всеми благами организации, стали считать ее естественной, природной. Только так можно понять и объяснить нелепое состояние их души: они заняты только собственным благополучием, но не замечают его источников. За готовыми благами цивилизации они не видят чудесных изобретений, созданных человеческим гением ценою упорных усилий, и воображают, что вправе требовать все эти блага, естественно им принадлежащие в силу их прирожденных прав. Во время голодных бунтов толпы народа часто громят пекарни. Это может служить прообразом обращения нынешних масс (в более крупном масштабе и в более сложных формах) с цивилизацией, которая их питает. [9 – Предоставленная собственным инстинктам, масса как таковая – плебеи или «аристократы» – в стремлении улучшить свою жизнь сама разрушает источники жизни. – Прим. автора].

VII. Жизнь благородная и жизнь пошлая, или энергия и косность

Мы – прежде всего то, что делает из нас окружающий нас мир; основные черты нашего характера формируются под влиянием впечатлений, получаемых извне. Это естественно, так как наша жизнь – не что иное, как наши отношения с миром. Лик мира, обращенный к нам, формирует в общих чертах нашу собственную жизнь. Вот почему я так подчеркиваю, что мир, в котором сегодняшние массы возникли и выросли, кажется совершенно новым, еще небывалым в истории. В прошлом для среднего человека «жизнь» означала непрерывные трудности, опасности, нужду, ограничения, подчиненность; современный мир представляется среднему человеку как мир неограниченных возможностей, безопасности, полной независимости. Душу современного человека формирует это впечатление, основное и постоянное, тогда как прежде душу среднего человека формировало впечатление обратное. Впечатление превращается во внутренний голос, который неотступно нашептывает какие-то слова в глубине нашего «я», настойчиво подсказывает нам определение нашей жизни, которое становится заповедью. Если в прошлые века считалось, что жить – это чувствовать себя ограниченным во всем и потому считаться с тем, что нас ограничивает, то новый голос вещает: "жить – значит не встречать ограничений; поэтому смело делай все, что хочешь. Нет невозможного, нет опасного, нет ни высших, ни низших".

Эта новая заповедь, основанная на ощущении, совершенно меняет традиционную, извечную структуру человека массы. Раньше он находил естественными свои материальные ограничения и свою подчиненность власти имущим. Такова уж была жизнь. Если ему удавалось улучшить ее, если он подымался по социальной лестнице, он приписывал это счастью, которое ему улыбнулось, или же это было его личной заслугой, которую он хорошо сознавал. В обоих случаях дело шло об исключении из общего закона жизни и всего мира, и оно было вызвано особыми причинами.

Новая масса восприняла полную свободу жизни как естественное, природное состояние, не вызванное никакими причинами. Ничто не налагало на эту массу никаких ограничений извне, следовательно, не было необходимости каждую минуту считаться с кем-то вокруг, особенно с высшими. До недавнего времени

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
китайский крестьянин верил, что его благополучие зависит от личных добродетелей императора. Поэтому его жизнь была в постоянном соотношении и подчинении этой высшей инстанции. Но человек, которого мы анализируем, не хочет считаться ни с какой внешней инстанцией или авторитетом. Он доволен собой таким, каков он есть. Совершенно искренне, без всякого хвастовства, как нечто вполне естественное, он будет одобрять и хвалить все, чем он сам наделен, – свои мнения, стремления, симпатии, вкусы. А что ж? Ведь никто и ничто не заставляет его признать себя человеком второго сорта, крайне ограниченным, неспособным ни к творчеству, ни даже к поддержанию той самой организации, которая дала ему полноту жизни.

Человек массы никогда не признает над собой чужого авторитета, пока обстоятельства его не принудят. Поскольку обстоятельства не принуждают, этот упорный человек, верный своей натуре, не ищет постороннего авторитета и чувствует себя полным хозяином положения. Наоборот, человек элиты, т. е. человек выдающийся, всегда чувствует внутреннюю потребность обращаться вверх, к авторитету или принципу, которому он свободно и добровольно служит. Напомним, что в начале этой книги мы так установили различие между человеком элиты и человеком массы: первый предъявляет к себе строгие требования; второй – всегда доволен собой, более того, восхищен [10 – к массе духовно принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже сидящей в его голове. Наоборот, человек элиты не ценит готовых мнений, взятых без проверки, без труда, он ценит лишь то, что до сих пор было недоступно, что приходится добывать усилием. – Прим. автора]. Вопреки обычному мнению, именно человек элиты, а вовсе не человек массы, проводит жизнь в служении. Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить ее чему-то высшему. Его служение – не внешнее принуждение, не гнет, а внутренняя потребность. Когда возможность служения исчезает, он ощущает беспокойство, ищет нового задания, более трудного, более сурового и ответственного. Это жизнь, подчиненная самодисциплине – достойная, благородная жизнь. Отличительная черта благородства – не права, не привилегии, а обязанности, требования к самому себе. *Noblesse oblige*. "Жить в свое удовольствие – удел плебея; благородный стремится к порядку и закону" (Гете). Дворянские привилегии по происхождению были не пожалованиями, не милостями, а завоеваниями. Их признавали, ибо данное лицо всегда могло собственной силой отстоять их от покушений. Частные права или привилегии – не косная собственность, но результат усилий владельца. И наоборот, общие права, например, "права человека и гражданина", бесплатны, это щедрый дар судьбы, который каждый получает без усилий владельца. Поэтому я сказал бы, что личные права требуют личной поддержки, а безличные могут существовать и без нее.

К сожалению, богатое по смыслу слово «благородство» подверглось в обычной речи безжалостному искажению. Большинство стало понимать его как наследственную, кровную аристократию; и оно превратилось в нечто пассивное, безличное, подобное "всеобщим правам", которые не требуют личных усилий и заслуг, их получают автоматически.

Однако подлинный смысл слова "*nobleza, noblessa, nobility*" совсем иной, в нем динамика. *Noble, nobilis* – значит знаменитый, всем известный, возвышающийся над неизвестными, безымянными массами. Здесь подразумеваются личные усилия, заслужившие славу. Итак, «благородный» – это заслуженный, выдающийся. Благородство или слава сына – уже чистая милость. Сын известен только тем, что его отец стяжал славу. Слава сына – лишь отражение; и действительно, наследственное благородство – нечто отраженное, как лунный свет или память о мертвых. Единственное живое и динамичное в нем – это импульс, передаваемый потомку и побуждающий его сравняться с предком. Таким образом, и здесь – *noblesse oblige*, хотя и в несколько измененном виде: благородный предок обязывал себя добровольно, благородного потомка обязывала необходимость быть на высоте. В переходе благородства по наследству кроется известное противоречие. Китайцы поступают логичнее, у них обратный порядок наследования: не отец облагораживает сына, а сын, достигнув высоких почестей, облагораживает своих предков, свой род. При этом государство указывает число предыдущих поколений облагороженных заслугами потомка. Таким образом, предки оживают благодаря заслугам живого человека, чье благородство в настоящем, а не в прошлом [11 – Моя цель – вернуть слову «*noblesse*» его первоначальное значение, исключаящее наследственность. Здесь не место исследовать вопрос о наследственной аристократии, "благородной крови", которая играет такую видную роль в истории. – прим. автора]. Латинское понятие «*nobilitas*» появилось только в эпоху Римской Империи, в противоположность старой наследственной

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
аристократии, в то время уже вырождавшейся.

Итак, для меня "благородная жизнь" означает жизнь напряженную, всегда готовую к новым, высшим достижениям, переход от сущего к должному. Благородная жизнь противопоставляется обычной, косной жизни, которая замыкается сама в себе, осужденная на *perpetuum mobile* – вечное движение на одном месте, – пока какая-нибудь внешняя сила не выведет ее из этого состояния. Людей второго типа я определяю как массу потому, что они – большинство, потому что они инертны, косны.

Чем дольше человек живет, тем яснее ему становится, что громадное большинство людей способно на усилие только в том случае, когда надо реагировать на какую-то внешнюю силу. И потому-то одиноко стоящие исключения, которые способны на спонтанное, собственной волей рожденное усилие, запечатлеваются в нашей памяти навсегда. Это – избранники, элита, благородные люди, активные, а не только пассивные; для них жизнь – вечное напряжение, непрерывная тренировка. Тренировка – это аскеза. Они – аскеты.

Пусть читатель не удивляется этому отступлению. Чтобы дать определение нового человека массы, который, оставаясь массой, хочет занять место элиты, необходимо было показать в чистом виде оба типа, в нем смешанные, – нормального человека массы и подлинного человека элиты, или человека энергии.

Теперь мы можем быстрее продвигаться вперед; ключ к решению – психологическая формула господствующего в наши дни человека – у нас в руках. Все дальнейшее логически вытекает из основного положения, которое можно резюмировать так: XIX век автоматически создал новый вид "простого человека", в котором заложены огромные вождедения и которому сейчас предоставлен богатый набор средств, чтобы удовлетворить их во всех областях, – экономика, медицина, право, техника и т. д. – словом, огромное количество прикладных наук и всяких возможностей, какие прежде среднему человеку не были доступны. Снабдив человека массы всеми этими возможностями, XIX век предоставил его самому себе, и он, верный своей природной косности, замкнулся в себе самом. Таким образом, теперь у нас массы более сильные, чем когда-либо прежде, но отличающиеся от обычных тем, что они герметически замкнуты в самих себе, самодовольны, самонадеянны, не желают никому и ничему подчиняться, одним словом – непокорны. Если так пойдет и дальше, то в скором времени не только в Европе, но и во всем мире окажется, что массами больше нельзя управлять ни в одной области. Правда, в бурные и тяжелые времена, стоящие перед нашим поколением, может случиться, что под суровыми ударами бедствий массы внезапно пойдут на уступки и подчинятся квалифицированной элите. Но это будет попыткой с негодными средствами, ибо основные черты психики масс – это инертность, замкнутость в себе и упрямая неподатливость; массы от природы лишены способности постигать то, что находится вне их узкого круга – и людей, и события. Они захотят иметь вождя – и не смогут идти за ним; они захотят слушать, и убедятся, что глухи.

С другой стороны, нельзя тешить себя иллюзиями, что человек массы окажется способным, – как ни поднялся его уровень в наше время – управлять ходом всей нашей цивилизации (не говоря уже о прогрессе ее). Самое поддержание современной цивилизации чрезвычайно сложно, требует бесчисленных знаний и опыта. Человек массы научился владеть ее механизмом, но абсолютно незнаком с ее основными принципами.

Я снова подчеркиваю, что все эти факты и доводы не следует понимать в узко политическом смысле. Наоборот: хотя политическая деятельность – самая эффективная, показательная сторона нашей общественной жизни, однако ее подчиняют, ею управляют другие факторы, более скрытые и неосязаемые. Политическая тупость сама по себе не была бы опасна, если бы она не проистекала из тупости интеллектуальной и моральной, более глубокой и решающей. Поэтому без анализа последней, наше исследование не может быть ясным и убедительным.

VIII. Почему массы во все лезут и всегда с насилем?

Итак, мы приходим к заключению, что произошло нечто крайне парадоксальное, хотя, в сущности, вполне естественное: как только мир и жизнь широко

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
открылись заурядному человеку, душа его для них закрылась. И я утверждаю, что именно в этой замкнутости души – сущность того восстания масс, в котором, в свою очередь – сущность грандиозной проблемы, стоящей сейчас перед человечеством.

Я знаю, что многие читатели думают иначе. Это тоже вполне естественно и только подтверждает мою теорию. Даже если бы мнение мое оказалось ошибочным, все же неоспоримо, что многие из несогласных не задумались хотя бы на пять минут над таким сложным вопросом. Как же они могли бы думать то же, что и я? Если они считают себя вправе иметь мнение раньше, чем потрудились все продумать, они показывают, что сами принадлежат к тому типу людей, которых я называю "восставшей массой". Это как раз и есть замкнутые, закоснелые души. В данном случае перед нами пример интеллектуальной косности. Человек обзавелся запасом готовых идей. Он довольствуется ими и решает, что с умом у него все в порядке. Поскольку мир ему не нужен, он остается при своем мнении. Вот это и есть механизм закоснелости.

Человек массы считает себя совершенным. Человек элиты ощущает что-то подобное, только если он исключительно тщеславен, да и то вера в свое совершенство не соприродна ему, не истинна, она порождена суетой, и даже сам он в ней не уверен. Поэтому тщеславный нуждается в других, чтобы они подтвердили мнение, какое он хочет иметь. Даже и в таком патологическом случае, даже ослепленный тщеславием, человек элиты не уверен в своем совершенстве. Наоборот, современный человек массы, этот новый Адам, никогда не сомневается в своем совершенстве; его вера в себя поистине подобна райской вере. Замкнутость души лишает его возможности познать свое несовершенство, так как единственный путь к этому познанию – сравнение себя с другими; но тогда он должен хоть на миг выйти за свои пределы, переселиться в своего ближнего. Душа заурядного человека неспособна к таким упражнениям.

Мы стоим здесь перед тем самым различием, которое испокон веков отделяет глупцов от мудрецов. Умный знает, как легко сделать глупость, он всегда настороже, и в этом его ум. Глупый не сомневается в себе; он считает себя хитрейшим из людей, отсюда завидное спокойствие, с каким он пребывает в глупости. Подобно насекомым, которых никак не выкурить из щелей, глупца нельзя освободить от глупости, вывести хоть на минуту из ослепления, сделать так, чтобы он сравнил свои убогие шаблоны со взглядами других людей. Глупость пожизненна и неизлечима. Вот почему Анатолий Франс сказал, что глупец гораздо хуже мерзавца. Мерзавец иногда отдыхает, глупец – никогда [12 – Я часто спрашивал себя вот о чем: несомненно, многим людям труднее и горше всего общаться, сталкиваться с глупостью ближних. Как же случилось, что никто не попытался изучить ее, написать "Опыт о глупости"? (Мне кажется, что не пытались). – Прим. автора].

Человек массы совсем неглуп. Наоборот, сегодня он гораздо умнее, гораздо способнее, чем все его предки. Но эти способности ему не впрок: сознавая, что он обладает ими, он еще больше замкнулся в себе и не пользуется ими. Он раз и навсегда усвоил набор общих мест, предрассудков, обрывков мыслей и пустых слов, случайно нагроможденных в памяти, и с развязностью, которую можно оправдать только наивностью, пользуется этим мусором всегда и везде. Это я и назвал в первой главе "знаменем нашего времени": не в том беда, что заурядный человек считает себя незаурядным и даже выше других, а в том, что он провозглашает и утверждает право на заурядность и самое заурядность возводит в право.

Господствующее положение, которое духовный плебс занял сейчас в общественной жизни, – совершенно новый фактор современной жизни, не имеющий подобия в прошлом. По крайней мере, в европейской истории плебс никогда не вообразал себя носителем какой-нибудь «идеи». У него были свои готовые верования, традиции, жизненный опыт, поговорки, ходячие мнения; он не пускался в теоретические исследования и обобщения, каких требует, например, политика или литература. Планы и действия политиков могли казаться ему хорошими или плохими, он мог поддерживать их или не поддерживать; но его реакция была пассивной, она ограничивалась отзвуком на творческую деятельность других кругов. Ему и в голову не приходило противопоставлять идеям политиков свои собственные идеи. То же и в искусстве, и в прочих областях общественной жизни. Врожденное сознание своей ограниченности, некомпетентности в теоретическом отношении удерживало его. Плебс даже и не мечтал о том, чтобы взять на себя решающую роль в общественной деятельности, так как она почти всегда основана на теории.

Сейчас у заурядного человека есть самые определенные идеи обо всем, что в мире происходит и должно произойти. Поэтому он перестал слушать других. К чему слушать, если он и так уже все знает? Теперь уже нечего слушать, теперь надо самому судить, постановлять, решать. Нет такого вопроса общественной жизни, в который он не вмешался бы, навязывая свои мнения, – он, слепой и глухой.

"Но, – скажут мне, – что тут плохого? Разве это не свидетельствует об огромном прогрессе? Ведь это значит, что массы стали культурными?"

Ничего подобного! Идеи заурядного человека – не настоящие идеи, они не свидетельствуют о культуре. Кто хочет иметь идеи, должен прежде всего стремиться к истине и усвоить правила игры, ею предписываемые. Не может быть речи об идеях и мнениях там, где нет общепризнанной высшей инстанции, которая бы ими ведала, нет системы норм, к которым можно было бы в споре апеллировать. Эти нормы – основа нашей культуры. Речь не о том, какие они; я лишь утверждаю, что там, где норм нет, там нет и культуры. Нет культуры там, где нет начал гражданской законности и не к кому апеллировать. Нет культуры там, где в решении споров игнорируются основные принципы разума [13 – кто в споре не старается держаться истины, не стремится быть правдивым, тот умственный варвар. Именно таков человек массы, когда ему приходится вести дискуссию, устную или письменную. – Прим. автора]. Нет культуры там, где экономические отношения не подчинены регулирующему аппарату, к которому можно обратиться. Нет культуры там, где в эстетических диспутах всякое оправдание для произведения искусства объявляется излишним.

Когда все эти нормы, принципы и инстанции исчезают, исчезает и сама культура и настает варварство в точном значении этого слова. Не будем себя обманывать, – новое варварство появляется сейчас в Европе, и породило его растущее восстание масс. Путешественник, прибывающий в варварскую страну, знает, что там уже не действуют правила и принципы, на которые он привык полагаться дома. У варвара нет норм в нашем понимании.

Степень культуры измеряется степенью развития норм. Где они мало развиты, там жизнь направляется только в общих чертах, где они развиты подробно, там они проникают во все детали и во все области жизни. Каждый должен признать, что в Европе за последнее время наблюдаются странные явления. Как на конкретный пример укажем на такие политические движения, как синдикализм и фашизм. Они кажутся странными не только потому, что они новы. Увлечение новинками всегда было свойственно европейцу, недаром он создал себе самую беспокойную историю. Нет, странность этих движений – в их стиле, в тех небывалых формах, какие они принимают. Под маркой синдикализма и фашизма в Европе впервые появляется тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни даже перед самим собой; он просто показывает, что решил любой ценой добиться цели. Вот это и есть то новое, небывалое: право действовать безо всяких на то прав. Тут я вижу самое наглядное проявление нового поведения масс, причина же в том, что они решили захватить руководство обществом в свои руки, хотя руководить им они и не способны. В этом политическом поведении масс раскрылась, грубо и откровенно вся структура их новой души; однако ключ ко всему был все же в духовной замкнутости. Человек массы открыл в себе «идеи», «мысли»; однако он неспособен к идейному творчеству, к конструктивному мышлению. Он не имеет даже понятия о легком, чистом воздухе мира идей. Он желает иметь собственные «мнения», но не желает принять условия и предпосылки, необходимые для этого. Поэтому все его «идеи» – не что иное, как вожделения, облеченные в словесную форму.

Чтобы иметь или создать идею, надо, прежде всего, верить, что есть какие-то основания или условия ее существования, т. е. верить в Разум, в мир идей, отвлеченных истин. Имея идеи, составляя мнения, люди обращаются к высшей инстанции, подчиняются ей, признают ее кодекс и ее решения; верят в то, что наивысшая форма общения – диалог, в котором обсуждаются основы наших идей. Но для человека массы принять дискуссию значит идти на верный провал, и он инстинктивно отказывается признавать эту высшую объективную инстанцию. Отсюда модный в Европе лозунг: "Хватит дискуссий!" – и отказ от всяческих форм духовного общения, предполагающих признание объективных норм, начиная с простого разговора и кончая парламентом и научными обществами. Это равносильно отказу от культурной общественной жизни, построенной на системе норм, и возврату к варварскому образу жизни. Это означает ликвидацию всех естественных жизненных процессов и переход к принудительному введению

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
новых, намеченных «порядков». Замкнутость массовой души, которая толкает массу на вмешательство во все общественные дела, неизбежно требует и единого метода вмешательства: прямого действия, *action directe*.

Со временем, когда история зарождения нашей эпохи будет восстановлена, историки отметят, что первые звуки ее своеобразной мелодии послышались около 1900 года среди групп французских синдикалистов и реалистов, изобретших метод и выражение "прямое действие". Человек во все времена прибегал к насилию; часто это бывало преступлением, и нас эти случаи не интересуют. Но иногда насилие служило защите правды и справедливости, и прибегали к нему тогда, когда все остальные средства были исчерпаны. Очень жаль, что человеческая натура вынуждает прибегать в таких случаях к насилию; но, с другой стороны, нельзя отрицать, что это – наивысшая дань истине и справедливости, ибо такое насилие не что иное, как жест отчаяния. Сила применяется как *ultima ratio*. Это выражение употребляют почему-то большей частью в ироническом смысле, но оно хорошо выражает то предпочтение, которое всегда давалось разуму перед силой. Цивилизация не что иное, как попытка свести силу на роль *ultima ratio*. Теперь это становится нам совершенно ясным, так как "прямое действие" выворачивает этот термин наизнанку и провозглашает силу *prima ratio*, первым доводом, т. е., в сущности, доводом единственным. Это норма, которая отменяет все остальные нормы, все промежуточные этапы между целью и ее достижением. Это – Великая Хартия варварства.

Кстати будет напомнить, что во все эпохи, каждый раз, когда массы по тому или иному поводу выступали в общественной жизни, – это всегда было в форме "прямого действия". Таким образом, "прямое действие" – типичный, вернее, единственный метод действия масс. И основной тезис моей книги будет значительно подкреплён тем очевидным фактом, что именно теперь, когда захват массами власти в общественной жизни из случайного и спорадического факта обратился в «нормальное» явление, "прямое действие" появляется на сцене официально, в качестве признанной доктрины.

Вся наша общественная жизнь подпадает под этот новый режим, в котором все "не прямые" действия подавлены. В общественной жизни упраздняется "хорошее воспитание". В литературе принцип "прямого действия" выражается в оскорблениях и угрозах; в отношениях между мужчиной и женщиной – в распушенности.

Нормы общежития, вежливость, взаимное уважение, справедливость, благожелательность! Кому все это нужно, зачем так усложнять жизнь?

Все это заключается в одном слове «цивилизация», смысл которого раскрывается в его происхождении от *civis* – гражданин, член общества. Все перечисленное служит тому, чтобы сделать жизнь города, т. е. городской общины, – иначе говоря, общественную жизнь, – возможно более легкой и приятной. Если мы вдумаемся в перечисленные элементы цивилизации, мы заметим, что у них одна и та же основа – спонтанное и все растущее желание каждого гражданина считаться со всеми остальными. Цивилизация, – прежде всего добрая воля к совместной жизни. Человек, который не считается с другими, не цивилизованный человек, а варвар. Варварство направлено к разложению общества. Все варварские эпохи были периодами человеческого рассеяния, распада общества на мелкие группы, разобщенные и взаимно враждебные.

Политическая форма, проявляющая максимум воли к совместной жизни, к общественности, есть либеральная демократия. Она выказывает наибольшую готовность считаться с окружающими и может служить прототипом "непрямого действия". Либерализм – тот политический правовой принцип, согласно которому общественная власть, несмотря на свое всемогущество, сама себя ограничивает и старается, даже в ущерб своим интересам, предоставить место в государстве, которым она управляет, место и тем, кто думает и чувствует иначе, чем она сама, т. е. иначе, чем большинство. Либерализм, следует напомнить сегодня, проявляет небывалое великодушие: свои права, права большинства, он добровольно делит с меньшинствами; это самый благородный жест, когда-либо виданный в истории. Либерализм провозглашает свое решение жить одной семьей с врагами, даже со слабыми врагами. Прямо невероятно, что человечество могло создать такой чудесный аппарат, такую парадоксальную, утонченную, замысловатую, неестественную систему. И нет ничего удивительного в том, что сейчас то же самое человечество готово от нее отказаться: опыт оказался слишком сложным и трудным, чтобы укорениться на

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosofff.org
нашей земле.

Жить одной жизнью с врагами! Править совместно с оппозицией! Не становится ли подобная мягкость непостижимой? Ничто не характеризует нашу эпоху так метко, как тот факт, что число государств, допускающих у себя оппозицию, резко уменьшается. Почти всюду однородная масса оказывает давление на правительство и подавляет, уничтожает все оппозиционные группы. Масса – кто бы мог подумать, глядя на ее компактность и численность? – не желает терпеть рядом с собой тех, кто к ней не принадлежит. Она питает смертельную ненависть ко всему иному.

IX. Примитивизм и техника

Должен напомнить, что мы заняты анализом эпохи – нашей эпохи, которая по самой сущности своей двусмысленна. Потому я и сказал вначале, что все черты нашего времени – в частности восстание масс, – предстают перед нами в двух толкованиях, благоприятного и неблагоприятного. Эта двойственность коренится не в нашей оценке, а в самой действительности. Не в том дело, что положение может нам казаться хорошим с одной точки зрения и плохим с другой, а том, что сама жизнь несет в себе две возможности – победы и гибели.

Я не хотел бы перегружать это исследование метафизикой истории. Но я, конечно, строю его на основе своих философских убеждений, которые излагаю или имею в виду в других местах. Я не верю в абсолютный исторический детерминизм. Наоборот, я верю, что всякая жизнь, тем самым историческая состоит из отдельных моментов, каждый из которых относительно свободен, не предопределен предыдущим моментом; некоторое время он колеблется, "топчется на месте", как бы не зная, какой из вариантов избрать. Вот это метафизическое колебание и придает всему живому ни с чем не сравнимый трепет, вибрацию.

Восстание масс может предвещать переход к новой, еще невозможной организации человечества; может и привести к катастрофе. Нельзя отрицать достигнутого, нельзя и считать его упроченным. Факты скорее говорят нам, что никакой прогресс, никакая эволюция не прочны, они всегда под угрозой регресса, отката. Все, все возможно в истории – и триумфальный прогресс, и периоды упадка. Ибо жизнь (индивидуальная и общественная, личная и историческая) – единственное в мире явление, сущность которого – опасность. Она состоит из «перипетий». Строго говоря, жизнь – это драма [14 – Я не сомневаюсь, что большинство читателей не примет этих выражений всерьез, в буквальном смысле; даже самые благосклонные сочтут их метафорами. Только редкий читатель, достаточно прямой, не воображающий, будто он насквозь знает жизнь, позволит себе принять эти слова в прямом значении. И только он их правильно поймет, независимо от того, верны они или нет. Среди остальных будет полное единодушие, одним лишь различием: одни будут думать, что, серьезно говоря, жизнь – процесс духовный, другие – что это нечто вроде ряда химических реакций. Для читателей с такой герметически замкнутой душой я попробую дать мою мысль в иной формулировке: первичное, основное значение «жизни» раскрывается, когда к ней подходят не биологически, а биографически, хотя бы по той простой причине, что вся биология лишь одна глава некоторых биографий, доступная для биологов. Все остальное – абстракция, фантазия, миф. – Прим. автора].

Все это, верное вообще, получает особое значение в эпохи кризисов, как наша. Симптомы нового поведения масс в эпоху их господства, которые мы обобщили под именем "прямого действия", могут возвещать и будущий прогресс. Ясно, что каждая старая цивилизация постепенно обрастает омертвевшей материей, роговой оболочкой, которая мешает жизни, отравляет ее. Есть отмершие учреждения, изжитые ценности и авторитеты, устаревшие нормы, которые формально еще существуют, загромождают и усложняют живую жизнь. Весь этот репертуар "непрямого действия" в значительной степени обветшал и требует ревизии, чистки. Необходимо упрощение; оно несет гигиену, лучший вкус, лучшие решения, экономию – когда меньшими средствами достигается большее.

В основном нужно вернуть общественную жизнь, и, прежде всего политику, к подлинной действительности. Европа не сможет сделать смелого прыжка, которого от нее требует вера в ее будущее, не сбросив с себя всей истлевшей

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoffo.org
ветоши, не представив снова в своей обнаженной сущности, не вернувшись к своему подлинному "я".

Предстоящее очищение и обнажение Европы, возвращение к подлинному бытию очень радует меня. Я верю в то, что это необходимо для расчистки пути к достойному будущему. Потому я и требую свободы мысли в отношении прошлого. Будущее должно первенствовать над прошлым, от него мы получаем приказы, определяющие наше отношение к прошлому [15 – Требование свободы в отношении к прошлому не придиричивая «критика», а ясно осознанный долг каждой критической эпохи. Если я защищаю либерализм XIX века против масс, которые на него беспощадно нападают, это не значит, что я отказываюсь от свободы, высказывания против этого самого либерализма. И наоборот: примитивизм, который в этой книге показан с самой худшей стороны, в известном смысле – необходимое условие каждого крупного исторического прогресса. – Прим. автора].

Но надо избегать тяжкого греха правителей XIX века – им не доставало ответственности, а это вело к утрате бдения, бдительности. Кто отдается потоку событий, не обращая внимания на предостережения, полученные еще в безоблачные дни, тот забывает свой долг и утрачивает ответственность. Сейчас надо требовать, чтобы те, кто способен на это, ощущали ответственность чрезвычайно сильно; важнее всего – указать и подчеркнуть явно опасные стороны новых симптомов.

Подводя баланс нашей общественной жизни – при условии, что нас занимает не столько настоящее, сколько будущее, – мы не можем сомневаться в том, что неблагоприятных факторов значительно больше, чем благоприятных.

Все наши материальные достижения могут исчезнуть, ибо надвигается грозная проблема, от решения которой зависит судьба Европы. Сформулирую эту проблему еще раз: господство в обществе попало в руки людей определенного типа, которым не дороги основы цивилизации, – не какой-нибудь определенной формы ее, но (насколько мы вправе судить сегодня) всякой цивилизации вообще. Этих людей интересуют наркотики, автомобили, что-то еще; но это лишь подчеркивает полное равнодушие к цивилизации как таковой. Ведь эти вещи – лишь продукты цивилизации, и страсть, с которой новый владыка жизни им отдается, подтверждает его полное безразличие к тем основным принципам, которые дали возможность их создать. Достаточно указать на следующее: с тех пор, как существуют естественные науки, т. е. с эпохи Ренессанса, значение их непрерывно росло. Точнее, число людей, занимавшихся теоретическими исследованиями, росло с каждым поколением. Первый относительный упадок приходится на наше время, – на поколение, родившееся на переломе столетия. Храмы чистой науки начинают терять притягательную силу для студентов. И это происходит как раз тогда, когда индустрия достигает наивысшего расцвета, а публика проявляет все больший интерес к достижениям техники и медицины.

Если бы это не завело нас слишком далеко, мы могли бы показать аналогичные явления в политике, искусстве, религии, да и в повседневной жизни.

Что означает столь парадоксальное явление? Задача этой книги именно в том и состоит, чтобы дать ответ на этот вопрос. Парадокс состоит в том, что нынешний "хозяин мира" – примитив, первобытный человек, внезапно объявившийся в цивилизованном мире. Цивилизован мир, но не его обитатель. Он даже не замечает цивилизации, хотя и пользуется ее плодами, как дарами природы. Новый человек хочет иметь автомобиль и пользуется им, но так, словно он сам собой вырос на райском древе. В глубине души он не подозревает об искусственном, почти невероятном характере цивилизации; он восхищен аппаратами, машинами и абсолютно безразличен к принципам и законам, на которых они основаны. Когда я упоминал слова Ратенау о "вертикальном вторжении варваров", можно было подумать – как многие и думают, – что это лишь фраза. Теперь мы видим, что это выражение (независимо от того, верно оно или нет) не пустая фраза, а точная формула, полученная в итоге сложного анализа. Человек массы, поистине примитивный, неожиданно вынырнул на авансцену нашей цивилизации.

Сейчас постоянно говорят о фантастическом прогрессе техники, но я еще ничего не слышал – даже среди избранных, – чтобы касались ее достаточно печального будущего. Даже Шпенглер, тонкий и глубокий ум, хотя и одержимый одной идеей, кажется мне беззаботным оптимистом – ведь он считает, что за веком «культуры» следует век «цивилизации», под которой он понимает, прежде всего, технику. Представления Шпенглера о культуре и вообще, об истории

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
настолько расходятся с предпосылками этой книги, что нелегко говорить здесь о его заключениях, хотя бы для проверки. Только в общих чертах, пренебрегая деталями и приведя обе точки зрения к одному знаменателю, можно установить примерно вот что: Шпенглер думает, что техника может развиваться даже и тогда, когда интерес к основным началам культуры угаснет. Я не решаюсь в это поверить. Техника и наука – одной природы. Наука угасает, когда люди перестают интересоваться ею бескорыстно, ради нее самой, ради основных принципов культуры. Когда этот процесс отмирает, – что, по-видимому, происходит сейчас, – техника может протянуть еще короткое время, по инерции, пока не выдохнется импульс, сообщенный ей чистой наукой. Жизнь идет с помощью техники, но не от техники. Техника сама по себе не может ни питаться, ни дышать, она – не *causa sui*, но лишь полезный, практический осадок бесполезных и непрактичных занятий [16 – Поэтому популярно определение Америки как "страны техники" не имеет реального значения. Одно из наибольших заблуждений Европы – детские представления об Америке, распространенные даже среди очень образованных людей. Это частный случай несоответствия между сложностью современных проблем и ограниченностью современного духа. – Прим. автора].

Таким образом, я прихожу к заключению, что интерес к технике никоим образом не может обеспечить ее развитие или даже сохранение. Недаром техника считается одной из отличительных черт современной культуры, т. е. такой культуры, которая использует практические прикладные науки. Потому-то из всего, что я назвал выше наиболее характерными чертами новой жизни, созданной XIX веком, в конце концов, остались лишь две: либеральная демократия и техника [17 – Строго говоря, либеральная демократия и техника так неразрывно связаны между собою, что одна немыслима без другой. Нужно было бы найти специальное слово, более широкое понятие, обнимающее и ту, и другую. Это слово было бы подлинной характеристикой XIX века. – Прим. автора].

Вспомним бесчисленное множество элементов, самых различных по своей природе, из которых сложным путем составляются физико-химические науки! Даже при самом поверхностном знакомстве с этой темой нам бросается в глаза, что на всем протяжении пространства и времени изучения физики и химии было сосредоточено на небольшом четырехугольнике: Лондон – Берлин – Вена – Париж, а во времени – только в XIX веке. Это доказывает, что экспериментальная наука – одно из самых невероятных чудес истории. Пастухов, воинов, жрецов и колдунов было достаточно всегда и везде. Но экспериментальные науки требуют, по-видимому, совершенно исключительной конъюнктуры. Уже один этот простой факт должен был бы навести мысль о непрочности, летучести научного вдохновения [18 – не будем углубляться в этот вопрос. Большинство ученых сами до сих пор не имеют ни малейшего представления о том серьезном и опасном кризисе, который переживает сейчас их наука. – Прим. автора]. Блажен, кто верует, что если бы Европа исчезла, североамериканцы смогли бы продолжать науку!

Стоило бы рассмотреть этот вопрос подробнее и уточнить в деталях исторические предпосылки, необходимые для развития экспериментальной науки и техники. Но человеку массы это не поможет – он не слушает доводов разума и учится только на собственном опыте, на собственной шкуре.

Вот, например, наблюдение, которое не позволяет обольщаться убедительностью доводов для человека массы: разве не глупо, что в наше время простой, заурядный человек не преклоняется сам, без внушений со стороны, перед физикой, химией, биологией? Посмотрите на положение науки: в то время как прочие отрасли культуры – политика, искусство, социальные нормы, даже мораль – явно стали сомнительными, одна область все больше, все убедительней для массы проявляет изумительную, бесспорную силу – науки эмпирические. Каждый день они дают что-то новое, и рядовой человек может этим пользоваться. Каждый день появляются медикаменты, прививки, приборы и т. д. Каждому ясно, что если научная энергия и вдохновение не ослабеют, если число фабрик и лабораторий увеличится, то и жизнь автоматически улучшится, богатство, удобства, благополучие удвоятся или утроятся. Можно ли представить себе более могучую и убедительную пропаганду науки? Почему же массы не выказывают никакого интереса и симпатии, не хотят давать деньги на поощрение и развитие наук? Наоборот, послевоенное время поставило ученого в положение парии – не философов, а именно физиков, химиков, биологов. философия не нуждается в покровительстве, внимании и симпатиях масс. Она свято хранит свою совершенную бесполезность [19 – См.: Аристотель. Метафизика 893а, 10 – Прим. автора], чем и освобождает себя от

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
необходимости считаться с человеком массы. Она знает, что по своей природе проблематична и весело принимает свою свободную судьбу, как птица Божия, не требуя ни от кого заботы, не напрашиваясь и не защищаясь. Если кому-нибудь она случайно поможет, она радуется просто из человеколюбия. Но это не ее цель, она к этому не стремится, этого не ищет. Да и как бы она могла претендовать, чтобы ее принимали всерьез, если она сама начинает с сомнения в своем существовании, если она живет лишь постольку, поскольку сама с собой борется, сама себя отрицает? Оставим же философию в покое, это особая статья.

Но экспериментальные науки нуждаются в массе так же, как и масса нуждается в них – иначе грозит гибель. Наша планета уже не может прокормить сегодняшнее население без помощи физики и химии.

Какими доводами можно убедить людей, если их не убеждает автомобиль, в котором они разъезжают, или инъекции, которые утишают их боль? Тут огромное несоответствие между очевидными благами, которые наука каждый день дарит массам, и полным отсутствием внимания, какое массы проявляют к науке. Больше нельзя обманывать себя надеждами: от тех, кто так себя ведет, можно ожидать лишь одного – варварства. В особенности, если – как мы увидим далее – невниманием к науке, как таковой, проявляется ярче всего среди самих практиков науки – врачей, инженеров и т. д., которые большей частью относятся к своей профессии, как к автомобилю или аспирину, не ощущая никакой внутренней связи с судьбой науки и цивилизации.

Есть и другие симптомы надвигающегося варварства – уже активные, действенные, а не только пассивные – очень явные и весьма тяжелые. Для меня несоответствие между благами, которые рядовой человек получает от науки, и невниманием, которым он ей отвечает, кажется самым грозным симптомом из всех [20 – Особенно поразительным представляется мне следующее: в то время как все остальные стороны жизни – политика, закон, искусство, мораль, религия – переживают кризисы, временные банкротства, одна лишь наука не стала банкротом. Наоборот, она каждый день дает нам больше, чем мы от нее ожидали. В этом у нее нет конкурентов. Для среднего человека непростительно этого не замечать. – Прим. автора]. Я могу понять эту неблагодарность, лишь вспомнив, что в Центральной Африке негры тоже ездят в автомобиле и глотают аспирин. И я выдвигаю гипотезу: по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, – просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества. Вот оно, "вертикальное вторжение варварства".

Х. Примитивизм и история

Природа всегда при нас. Она сама себя питает и обновляет. В лесах, среди природы, мы смело можем быть дикарями. Мы можем и навсегда остаться дикарями без всякого риска, кроме разве прибытия других людей, не диких. В принципе пребывание народов в вечной первобытности вполне возможно, такие народы есть. Брейсинг назвал их "народами вечного рассвета" – они пребывают в замороженных сумерках, для них никогда не взойдет солнце.

Это бывает в природном мире, но невозможно в мире цивилизованном, вроде нашего. Цивилизация не дана нам готовой, сама себя она не поддержит. Она искусственна, требует художника, мастера.

Если вы хотите пользоваться благами цивилизации, но не позаботитесь о ней, вы жестоко ошибетесь, мигом окажетесь без всякой цивилизации. Один промах – и все исчезнет, как дым, словно сдернули завесу, скрывавшую нагую природу, и она появилась снова, девственная, как лес. Лес всегда первобытен и наоборот; все первобытное – как лес.

Романтиков всегда привлекало насилие низших существ и сил природы над человеком, над белым женским телом. Они изображали Леду с лебедем, Пасифаю с быком, Антиопу с козлом. Они находили тонкое наслаждение в созерцании руин, где вытесанные руками человека четкие формы томятся в объятиях диких ползучих растений. Когда истинный романтик видит здание, он, прежде всего, ищет на карнизах и крышах пятна плюща и клочья мха. Они возвещают, что, в конце концов, – все тлен; что над созданиями рук человеческих снова вырастет дремучий лес.

Было бы неумно смеяться над романтиком. Прав и он. За этими образами, за их безгрешной чувственностью кроется великая и вечная проблема отношений между цивилизацией и тем, что лежит позади нее, – Природой, между Логосом и хаосом. Мы вернемся к этому по другому поводу, когда я буду отстаивать романтизм.

Сейчас передо мною обратная задача. Речь идет о том, чтобы сдержать напор первобытного леса. "Добрый европеец" должен делать то, что причинило много забот Австралии, – остановить наступление дикого кактуса, который грозил вытеснить людей в море. В сороковых годах прошлого столетия один переселенец с берегов Средиземного моря привез в Австралию крохотный отсадок кактуса. Теперь бюджет Австралии обременен расходами на борьбу с кактусами, которые распространились по всему континенту и ежегодно захватывают по километру с лишним.

Человек массы считает, что та цивилизация, которую он видит и использует со дня рождения, так же первозданна и самородна, как Природа, и тем самым становится в положение дикаря. Цивилизация для него – вроде первобытного леса, как я уже говорил. Теперь уточним некоторые детали.

Принципы, на которых покоится наша цивилизация, просто не существуют для современного человека массы. Основные культурные ценности его не интересуют, он с ними не соглашается, он не намерен их защищать. Почему это произошло? По многим причинам; сейчас я отмечу одну из них.

Цивилизация по мере своего развития становится все сложнее и напряженнее. Проблемы, которые она ставит перед нами, невероятно запутаны. Людей, способных решать эти проблемы, становится все меньше. Послевоенный период – разительный тому пример. Восстановить Европу нелегко, и рядовой европеец, по-видимому, не сможет с этим справиться. Дело не в недостатке средств, дело в недостатке голов. Вернее, головы есть, хотя и немного, но европейский "человек массы" не хочет посадить их на свои плечи.

Несоответствие между сложностью проблемы и наличными средствами будет все обостряться до тех пор, пока не найдут выхода; вот основная трагедия нашей эпохи. Благодаря здоровым и плодотворным принципам, на которых построена наша цивилизация, она все время повышает свою производительность и количественно, и качественно, так что уже превосходит потребительную способность нормального человека – вероятно впервые за всю историю цивилизации. Все прежние цивилизации погибали от несовершенства начал, на которых они были построены. Теперь европейская цивилизация шатается по обратной причине. В Греции и Риме не выдержали принципы организации, но не сам человек; Римская Империя погибла из-за недостатка техники. Когда государство разрослось, возник целый ряд материальных проблем, которых неразвитая техника разрешить не могла. Античный мир начал приходить в упадок и разлагаться.

Но в наши дни сам человек не выдерживает. Он не в состоянии идти в ногу со своей собственной цивилизацией. Жутко становится, когда слышишь, как сравнительно образованные люди рассуждают на повседневные темы. Словно крестьяне, которые заскорузлыми пальцами пытаются взять со стола иголку, они подходят к политическим и социальным вопросам сегодняшнего дня с тем самым запасом идей и методов, какие применялись 200 лет назад для решения вопросов, в 200 раз более простых.

Развитая цивилизация всегда полна тяжелых проблем. Чем выше ступень прогресса, тем больше опасность крушения. Жизнь все улучшается, но и усложняется. Конечно, по мере усложнения проблемы средства к разрешению их совершенствуются. Но каждое новое поколение должно научиться владеть этими средствами. Среди них – чтобы быть конкретным – есть одно, особенно полезное именно для сложившейся, зрелой цивилизации: хорошее знание прошлого, накопление опыта, одним словом – история. Историческая наука совершенно необходима для сохранения и продления зрелой цивилизации не потому, чтобы она давала готовые решения для новых конфликтов, – жизнь никогда не повторяется и требует всегда новых решений, – но потому, что она предохраняет нас от повторения ошибок прошлого. Если же человек или страна, проделав долгий путь и очутившись в трудном положении, вдобавок теряет память и не может использовать опыта прошлого, тогда дело плохо. Мне кажется, Европа находится сейчас именно в таком положении. Самые культурные люди Европы в наши дни невероятно невежественны в истории. Я утверждаю, что современные руководители европейской политики знают историю гораздо хуже,

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
чем их предшественники в XVIII и даже XVII веках. Исторические познания правящей элиты тех веков сделали возможным изумительный прогресс XIX века. Политика XVIII века вся была продиктована стремлением избежать ошибок прошлого и располагала огромным запасом опытных данных. Но уже в XIX веке "историческая культура" начала убывать, хотя отдельные специалисты значительно продвинули историю как науку [21 – здесь мы имеет пример разницы между состоянием наук в известную эпоху и общим состоянием культуры в это время. – Прим автора]. Этот упадок исторической культуры повлек за собой ряд специфических ошибок, последствия которых мы сейчас испытываем. В последней трети XIX века начался – сперва невидимый, подземный – поворот вспять, возврат к варварству, т. е. к простоте человека, у которого прошлого нет или он свое прошлое забыл.

Поэтому большевизм и фашизм – две новые политические попытки, возникшие в Европе и на ее окраинах, – представляют собою два ярких примера существенного регресса – не столько по содержанию их теорий, которые сами по себе, конечно, содержат часть истины (где на свете нет крупницы истины?), сколько по антиисторизму, анахронизму, с которыми они к этой истине относятся. Эти движения, типичные для человека массы, управляются, как всегда, людьми посредственными, несовременными, с короткой памятью, без исторического чутья, которые с самого начала ведут себя так, словно уже стали прошлым, влились в первобытную фауну.

Вопрос не в том, быть или не быть коммунистом и большевиком. Я не обсуждаю веры, я просто не понимаю, считаю анахронизмом, что коммунист 1917 года производит революцию, тождественную тем, какие уже бывали, ни в малой мере не улучшая их, не исправляя ошибок. Поэтому все происходящее в России не представляет исторического интереса; что-то, но это не переход к новой жизни. Наоборот, это монотонное повторение прошлого, трафарет, революционный шаблон, и до такой степени, что нет ни одного шаблонного изречения о революциях, которое не нашло бы печального подтверждения: "Революция пожирает собственных детей", "Революцию начинают умеренные, продолжают крайние, завершает реставрация" и т. д. К этим почтенным изречениям можно было бы присоединить еще несколько менее популярных, хотя и столь же вероятных, например: революция длится не более 15 лет – творческого периода одного поколения [22 – Поколение действует около 30 лет. Но деятельность его разделяется на два периода, различные по форме: в первый период молодое поколение пропагандирует свои идеи, настроения, склонности; во второй – оно приходит к власти и проводит их в жизнь. Следующее поколение в это время уже несет новые идеи и вкусы, которые начинают проникать в общую атмосферу. Если идеи и вкусы правящего поколения носят радикальный, революционный характер, то новое поколение – анитиреволюционно, т. е. в сущности реакционно по духу. Конечно, эта реставрация не простое возвращение к старому, этого никогда не бывало. – Прим. автора].

Кто стремится к подлинному творчеству, к созданию новых форм социальной и политической жизни, тот должен, прежде всего, покончить с убогими трафаретами исторической мудрости. Я назвал бы гениальным того политического деятеля, который первыми же своими реформами свел бы с ума профессоров истории, показав им на деле, как все «законы» их науки теряют силу, рассыпаются вдребезги и обращаются в прах.

Почти то же самое, только с обратным знаком, можно сказать о фашизме. Ни большевики, ни фашизм не стоят "на высоте эпохи", не несут в себе прошлого в сжатой форме, а это необходимо, чтобы его улучшить. С прошлым нельзя бороться врукопашную. Прошлое побеждают, поглощая. Все, что не останется вовне, погибнет.

И большевизм, и фашизм – ложные зори; они предвещают не новый день, а возврат к архаическому, давно пережитому, они первобытны. И та же судьба ожидает все движения, которые простодушно вступят в открытый бой с той или иной частью прошлого, вместо того, чтобы переварить ее.

Конечно, либерализм XIX века надо преодолеть. Но этого-то как раз и не может выполнить тот, кто подобно фашисту, объявляет себя антилибералом. Антилибералами или не-либералами люди были до либерализма. Либерализм оказался сильнее, он должен победить и в этот раз, или же оба противника погибнут вместе со всей Европой. Такова неумолимая хронология жизни; либерализм – позже антилиберализма, подобно тому, как в ружье «больше» оружия, чем в копье.

На первый взгляд кажется, что каждое «анти», "против" может появиться лишь после «чего-то». Однако в этом «анти» нет никакого положительного содержания, ничего нового; это пустое отрицание, возвращение к тому, что было до отрицаемого. Возьмем конкретный пример: если кто-нибудь говорит, что он антипетрист, это значит только, что он предпочитает общество (или мир) без Петра; но это и было до появления Петра. Таким образом, антипетрист встает не после Петра, а до него; он начинает крутить фильм от прошлого, и неизбежно наступит момент, когда Петр появится снова. Все эти «анти» напоминают легенду о Конфуции. Он родился, естественно, после своего отца, но – вот незадача! – ему было уже 80 лет, а его отцу только 30! Каждое «анти» не больше, чем пустое отрицание, "нет".

Все было бы очень просто, если бы коротким «нет» мы могли похоронить прошлое. Но прошлое по своей природе возвращается. Если его отгонят, оно вернется. Единственный способ справиться с ним – не выгонять его, считаться с ним, но избегать его, уклоняться от него. Иными словами: жить на уровне эпохи, тонко ощущая историческую конъюнктуру.

У прошлого своя правда. Если ее не признают, оно возвращается и требует признания, подчас даже там, где и не надо. У либерализма была своя правда, и ее надо признать на веки вечные. Но он был прав не во всем, и то, в чем он был не прав, надо изъять. Европа должна сохранить все существенное из своего либерализма. Иначе его не преодолешь.

Я говорю о фашизме и большевизме только вскользь, отмечая лишь одну их черту – анахронизм. Эта черта, по моему мнению, органически присуща всему тому, что сейчас, видимо, торжествует. Сейчас повсюду торжествует человек массы, и только те течения могут иметь видимый успех, которые проникнуты его духом, выдержаны в его примитивном стиле. Я ограничиваюсь этим и не углубляюсь в исследование внутренней природы того и другого движения, как и не пытаюсь решать вечную дилемму революции или эволюции. Самое большее, на что я претендую, – чтобы и революции, и эволюции были историчны, а не анахроничны.

Тема этого исследования политически нейтральна, она лежит в иной сфере, более глубокой, чем политика с ее склоками. Консерваторы не в большей и не в меньшей степени «масса», чем радикалы; разница между ними, которая всегда была очень поверхностной, ничуть не мешает им быть по существу одним и тем же – восставшим "человеком массы".

У Европы нет перспектив, если только судьба не попадет в руки людей подлинно современных, проникнутых ощущением истории, сознанием уровня и задач нашей эпохи и отвергающих всякое подобие архаизма и примитивизма. Нам нужно знать подлинную, целостную Историю, чтобы не провалиться в прошлое, а найти выход из него.

XI. Эпоха самодовольства

Итак, мы констатируем новый социальный факт: европейская история впервые оказывается в руках заурядного человека как такового и зависит от его решений. Или в действительном залоге: заурядный человек, до сих пор всегда руководимый другими, решил сам управлять миром. Выйти на социальную авансцену он решил автоматически, как только созрел тип "нового человека", который он представляет. Изучая психическую структуру этого нового "человека массы" с точки зрения социальной, мы находим в нем следующее:

(1) врожденную, глубокую уверенность в том, что жизнь легка, изобильна, в ней нет трагических ограничений; поэтому заурядный человек проникнут ощущением победы и власти;

(2) ощущения эти побуждают его к самоутверждению, к полной удовлетворенности своим моральным и интеллектуальным багажом. Самодовольство ведет к тому, что он не признает никакого внешнего авторитета, никого не слушается, не допускает критики своих мнений и ни с кем не считается. Внутреннее ощущение своей силы побуждает его всегда высказывать свое превосходство; он ведет себя так, словно он и ему подобные – одни на свете, а поэтому

(3) он лезет во все, навязывая свое пошлое мнение, не считаясь ни с кем и ни с чем, то есть, – следуя принципу "прямого действия".

Этот перечень типичных черт и напомнил нам о некоторых недочеловеческих типах, таких, как избалованный ребенок и мятежный дикарь, то есть варвар. (Нормальный дикарь, наоборот, крайне послушен внешнему авторитету – религии, табу, социальным традициям, обычаям). Не удивляйтесь, что я так браню это существо. Моя книга – первый вызов триумфатору нашего века и предупреждение о том, что в Европе найдутся люди, готовые решительно сопротивляться его попыткам тирании. Сейчас это лишь стычка на аванпостах. Атака на главном фронте последует скоро, быть может, очень скоро и совсем в иной форме. Она произойдет так, что человек массы не сможет предупредить ее; он будет видеть ее, не подозревая, что это и есть главный удар.

Существо, которое сейчас встречается везде и всюду проявляет свое внутреннее варварство, и впрямь баловень человеческой истории. Это наследник, который ведет себя именно и только как наследник. В нашем случае наследство – цивилизация со всеми ее благами: изобилием, удобствами, безопасностью и т. д. Как мы видели, только в условиях нашей легкой, удобной и безопасной жизни и мог возникнуть такой тип, с такими чертами, с таким характером. Он одно из уродливых порождений роскоши, когда та влияет на человеческую натуру. Мы обычно думаем – и ошибаемся, – что жизнь в изобилии лучше, полнее и выше, чем жизнь в борьбе с нуждой. Но это неверно – в силу серьезных причин, излагать которые здесь не место. Сейчас достаточно напомнить неизменно повторяющуюся трагедию каждой наследственной аристократии. Аристократ наследует, то есть получает готовыми, условия жизни, которых он не создавал, то есть такие, которые не находятся в органической связи с его личностью, с его жизнью. Он видит, что с колыбели, без всяких личных заслуг, обладает богатством и привилегиями. Сам он ничем с ними не связан, он их не создавал. Они обрамляли другое лицо, его предка, а ему приходится жить «наследником», носить убор другого лица. К чему это приводит? Какой жизнью будет жить наследник – своей собственной или своего высокого предка? Ни той, ни другою. Ему суждено представлять другое лицо, то есть не быть ни самим собой, ни другим. Его жизнь неизбежно утрачивает подлинность и превращается в пустую фикцию, симуляцию чужого бытия. Избыток средств, которыми он призван управлять, не позволяет ему осуществлять подлинное, личное призвание, он калечит свою жизнь. Каждая жизнь – это борьба за то, чтобы стать самим собой. Препятствия, на которые мы при этой борьбе натываемся, и пробуждают, развивают нашу активность и наши способности. Если бы наше тело ничего не весило, мы не могли бы ходить. Если бы воздух не давил на нас, мы ощущали бы свое тело как что-то пустое, губчатое, призрачное. Так и наследственный аристократ – недостаток усилий и напряжения расслабляет всю его личность. Результатом этого и становится тот особый идиотизм старых дворянских родов, который не имеет подобий. Внутренний трагический механизм, неумолимо влекущий наследственную аристократию к безнадежному вырождению, в сущности, никогда еще не был описан.

Все это я говорю, чтобы опровергнуть наивное представление, будто переизбыток земных благ способствует улучшению жизни. Как раз наоборот. Чрезмерное изобилие жизненных благ [23 – не следует смешивать прирост и даже обилие благ с чрезмерным избытком их. В XIX веке жизнь становилась все легче, и этим объясняется тот поразительный подъем жизни, – и количественный, и качественный, на который мы указывали выше. Но настал момент, когда цивилизованный мир стал по сравнению с потребностями среднего человека чрезмерно изобильным и богатым. В конце концов, благополучие и безопасность, созданные прогрессом, испортили заурядного человека, внушив ему чрезмерную самоуверенность, порочную и одуряющую. – Прим. автора] и возможностей автоматически ведет к созданию уродливых порочных форм жизни, к появлению особых людей-выродков; один из частных случаев такого типа – «аристократ», другой – избалованный ребенок, третий, самый законченный и радикальный – современный человек массы. (Сравнение с «аристократом» можно было бы развить подробнее, показав на ряде примеров, как многие черты, типичные для «наследника» всех времен и народов, проявляются и в наклонностях современного человека массы. Например, склонность делать из игры и спорта главное занятие в жизни; культ тела – гигиенический режим; щегольство в одежде; отсутствие рыцарства в отношении к женщине; флирт с «интеллектуалами» при внутреннем пренебрежении к ним, а иногда – и жестокости; предпочтение абсолютной власти перед либеральным режимом и т. д. [24 – Здесь, как и в других отношениях, английская аристократия, по-видимому, представляет исключение. Но достаточно припомнить в основных

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
чертах историю Англии, чтобы признать, что этот достойный удивления пример только подтверждает правило. Вопреки общепринятому мнению, английское дворянство меньше знало изобилие, больше – долг и опасность, чем дворянство на континенте Европы. Именно поэтому оно снискало уважение, которое всегда вызывает неизменная готовность к борьбе. Обычно забывают, что до второй половины XVIII века Англия была беднейшей страной Европы. Именно это и спасло английскую аристократию. Так как она не обладала богатством, она с самого начала обратилась к торговле и индустрии, что на континенте считалось неблагородным. Таким образом, английское дворянство стало деятельным и творческим, вместо того чтобы вести праздную жизнь за счет своих привилегий. – Прим. автора].

Я еще раз подчеркиваю (рискуя надоесть читателю), что этот человек с примитивными наклонностями, этот новейший варвар порожден современной цивилизацией, в особенности той формой ее, какую она приняла в XIX веке. Он не вторгся в цивилизованный мир извне, подобно вандалам и гуннам V века; он не был также и плодом таинственного самозарождения, каким представлял его себе Аристотель появление головастика в пруду; он – естественный продукт нашей цивилизации. Можно установить закон, подтверждаемый палеонтологией и биогеографией: человеческая жизнь возникала и развивалась только тогда, когда средства, какими она располагала, соответствовали тем проблемам, какие перед ней стояли. Это относится как к духовному, так и к физическому миру. Здесь, обращаясь к самой конкретной стороне существования рода людского, я должен напомнить, что человек мог процветать лишь в тех зонах нашей планеты, где летняя жара компенсируется зимним холодом. В тропиках человек вырождается, низшие расы, – например, пигмеи – были оттеснены в тропики расами, появившимися позднее и стоявшими на высшей ступени цивилизации.

Цивилизация XIX века поставила среднего, заурядного человека в совершенно новые условия. Он очутился в мире сверхизобилия, где ему предоставлены неограниченные возможности. Он видит вокруг чудесные машины, благотворительную медицину, заботливое государство, всевозможные удобства и привилегии. С другой стороны, он не имеет понятия о том, каких трудов и жертв стоили эти достижения, эти инструменты, эта медицина, их изобретение и производство; он не подозревает о том, насколько сложна и хрупка организация самого государства; и потому не ощущает никакой благодарности и не признает за собой почти никаких обязанностей. Эта неуравновешенность прав и обязанностей искажает его натуру, развращает ее в самом корне, отрывает его от подлинной сущности жизни, которая всегда сопряжена с опасностью, всегда непроглядна и гадательна. Этот новый тип человека, "человек самодостаточный" – воплощенное противоречие самой сущности человеческой жизни. Поэтому, когда он начинает задавать тон в обществе, надо бить в набат и громко предупреждать о том, что человечеству грозит вырождение, духовная смерть. Правда, сейчас жизненный уровень Европы выше, чем когда-либо в истории, но когда мы глядим вперед, в будущее, нас охватывает страх, что нам не удастся ни подняться выше, ни сохранить сегодняшний уровень; скорее всего, мы отойдем назад, соскользнем вниз.

Теперь, кажется, достаточно ясно, что представляет собою то в высшей степени уродливое существо, которое я называю "человеком самодовольным". Он явился на свет, чтобы делать только то, что ему хочется, – типичная психология "маменькина сына". Мы знаем, как она появляется: в семейном кругу все проступки, даже крупные, проходят, в конечном счете, безнаказанно. Домашняя атмосфера искусственная, тепличная; она прощает то, что в обществе, на улице, вызвало бы неприятные последствия. Но «сын» убежден, что он и в обществе может себе позволить то же, что у себя дома, что вообще не никакой опасности, ничего непоправимого, неотвратимого, рокового, и поэтому он может безнаказанно делать все, что ему вздумается. Жестокое заблуждение! [25 – что представляет собою семья в отношении общества, то, в большем масштабе, представляет отдельная нация в отношении всех остальных наций. Один из самых ярких и подавляющих признаков новой "эпохи самодовольства", как мы увидим, – поведение некоторых наций, которые "делают то, что хочется" в международном масштабе. В своей наивности они называют это «национализмом». Мне претит слепое преклонение перед интернационализмом; однако выходки эти я нахожу смешными и нелепыми. – Прим. автора].

"Ваша милость пойдет, куда поведут", как говорится в португальской сказке о попугае. Суть не в том, что мы не смеем делать все, что нам хочется. Суть в ином – мы можем делать только одно, а именно то, что должны делать; мы

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
можем быть только тем, чем должны быть. Единственный выход – это не делать того, что мы должны делать. Но это еще не значит, что мы свободны делать все прочее. В этом случае мы обладаем лишь отрицательной свободой воли (no^luntas). Мы вольны уклониться от истинного назначения, но тогда мы, как узники, провалимся в подземелье нашей судьбы. Я не могу показать этого каждому отдельному читателю на его собственной судьбе, она мне неизвестна; но я могу показать это на тех ее элементах, которые общи всем. Например, в наши дни каждый европеец уверен (и эта его уверенность крепче всех его «идей» и «мнений»), что надо быть либералом. Неважно, какая именно форма либерализма подразумевается. Я говорю лишь о том, что сегодня самый реакционный европеец в глубине души признает: то, что волновало Европу прошлого столетия и получило название либерализма, – нечто подлинное, имманентное западному человеку, неотделимое от него, хочет он этого или нет.

Даже если бы было доказано, что все конкретные попытки осуществить завет политической свободы ошибочны и обречены на неудачу, все по существу, по идее этот завет не скомпрометирован и остается в силе. Это конечное убеждение остается и у коммунистов, и у фашистов, на какие бы уловки они ни пускались, чтобы убедить самих себя в обратном. Оно остается и у католика, который продолжает твердо верить в «силлабус». Все они «знают», что, несмотря на справедливую критику либерализма, его внутренняя правда неуязвима, ибо это правда не теоретическая, не научная, не рассудочная; она совсем другой природы и ей принадлежит решающее слово: это правда судьбы. Теоретические истины не только спорны, но все их значение и сила именно в том, что они – предмет спора. Они вытекают из спора, живут, лишь пока он ведется, и созданы исключительно для него. Но судьба нашей жизни, – чем нам стать и чем нам не быть – дискуссии не подлежит, она принимается или отвергается. Если мы ее принимаем, наше бытие подлинно; если отвергаем, тем самым мы отрицаем и искажаем самих себя [26 – Снижение, деградация жизни – вот судьба того, кто отказывается быть тем, чем он призван. Его подлинное естество, однако, не умирает; оно становится тенью, призраком, который постоянно напоминает ему о его значении, заставляет его чувствовать свою вину и показывает его падение. Он – выживший самоубийца. – Прим. автора]. Наша судьба не в том, чтобы делать то, что нам угодно: скорей мы угадаем ее волю, приняв на себя, как должное, то, к чему у нас нет сейчас влечения.

А "человек самодовольный" знает, что определенных вещей не может быть, и тем не менее – вернее, именно поэтому – ведет себя так, словно уверен в обратном. Так фашист ополчается против политической свободы именно потому, что он знает: подавить ее надолго невозможно, она неотъемлема от самой сущности европейской жизни и вернется, как только это будет нужно, в час серьезного кризиса. Все, что делает человек массы, он делает не совсем всерьез, «шутя». Все, что он делает, он делает неискренне, "не навсегда", как балованный сынок. Поспешность, с которой он при каждом случае принимает трагическую, роковую позу, разоблачает его. Он играет в трагедию именно потому, что не верит в реальность подлинной трагедии, которая действительно разыгрывается на сцене цивилизованного мира.

Хороши мы были бы, если бы нам пришлось принимать за чистую монету все то, что люди сами говорят о себе! Если кто-либо утверждает, что дважды два – пять, и нет оснований считать его сумасшедшим, мы можем быть уверены, что он сам этому не верит, как бы он ни кричал, или даже если он готов был за это умереть.

Вихрь всеобщего, всепроникающего шутовства веет по Европе. Почти все позы – маскарадные и лживы. Все усилия направлены к одному: ускользнуть от подлинной судьбы, не замечать ее, не слышать ее призыва, уклониться от встречи с тем, что должно быть. Люди живут шутя, и чем трагичнее маска, тем большего шута она прикрывает. Шутовство появляется там, где жизнь не стоит на неизбежности, которой надо держаться, во что бы то ни стало, до конца. Человек массы не хочет оставаться на твердой, недвижимой почве судьбы, он предпочитает существовать фиктивно, висеть в воздухе. Потому-то никогда еще столько жизней не было вырвано с корнем из почвы, из своей судьбы, и не несло неведомо куда, словно перекасти-поле. Мы живем в эпоху «движений», "течений", «веяний». Почти никто не противится тем поверхностным вихрям, которые возникают в искусстве, в философии, в политике, в социальной жизни. Потому риторика и процветает, как никогда. Сюрреалист полагает, что он превзошел всю историю словесности, когда написал (опускаю слово, которое писать не стоит) там, где прежде писали "жасмин, лебеди, нимфы". Конечно, он лишь ввел другую словесность, до сих пор скрытую в клозетах.

Быть может, мы лучше пойдем современный мир, если подчеркнем в нем то, что, – несмотря на всю его оригинальность, – роднит его с прошлым. В третьем веке до Р.Х., в эпоху расцвета Средиземноморской культуры, появились циники. Диоген в грязных сандалиях вступил на ковры Аристиппа. Циники кишели на всех углах и на высоких постах. Что же они делали? Саботировали цивилизацию того времени. Они были нигилистами эллинизма; они не творили и не трудились. Их роль сводилась к разложению, вернее – к попытке все разложить, так как они не достигли и этой цели. Циник, паразит цивилизации, занят тем, что отрицает ее, именно потому, что убежден в ее прочности. Что стал бы делать он в селении дикарей, где каждый спокойно и серьезно ведет себя именно так, как циник ведет себя из озорства? Что делать фашисту, если ему не перед кем ругать свободу, или сюрреалисту, если он не ругает искусство?

Иного поведения и нельзя ожидать от людей, родившихся в хорошо организованном мире, в котором они замечают только блага, но не опасности. Окружение портит их; цивилизация – их дом, семья, они – "маменькины сынки", им незачем выходить из храма, где потакают их капризам, выслушивать советы старших, тем более – соприкасаться с таинственной глубиной судьбы.

XII. Варварство специализации

Как я уже сказал, цивилизация XIX века автоматически создала тип человека массы. Я хотел бы дополнить общую формулу анализом этого процесса, показав его на частном случае. В конкретной форме мой тезис выигрывает в убедительности.

Цивилизация XIX века, утверждал я, складывается из двух крупных элементов: либеральной демократии и техники. Займемся сейчас последней. Современная техника возникла из сочетания капитализма с опытными науками. Не всякая техника научна. Изобретатель кремневого топора не имел понятия о науке, но положил начало технике. Китай достиг высокой технической зрелости, не подозревая о существовании физики. Только современная европейская техника покоится на научной базе, и отсюда ее отличительная черта – возможность безграничного развития. Техника иных стран и эпох – Месопотамии, Египта, Греции, Рима, Востока – всегда достигала какого-то предела, перейти который она не могла; и по достижении его начинался упадок.

Эта чудесная техника Запада сделала возможной не менее чудесную плодовитость европейцев. Вспомним факт, с которого мы начали наше исследование, и из которого вытекли постепенно все наши рассуждения. Начиная с V столетия вплоть до 1800 г. население Европы никогда не превышало 180 миллионов; но с 1800 до 1914 оно возросло до 460 миллионов. Беспрецедентный скачок в истории человечества! Нет сомнения в том, что именно техника в сочетании с либеральной демократией расплодили человека массы – в количественном смысле. Но в этой книге я старался показать, что они ответственны за появление человека массы и в качественном, уничижительном смысле этого слова.

Под массой – предупреждал я уже вначале – подразумеваются не специально рабочие; это слово означает не социальный класс, а тип людей, встречающийся во всех социальных классах, тип, характерный для нашего времени, преобладающий и господствующий в обществе. Сейчас мы увидим это с полной ясностью.

В чьих руках сегодня общественная сила? Кто накладывает на нашу эпоху печать своего духа? Без сомнения, буржуазия. Кто среди этой буржуазии представляется избранной, ведущей группой, сегодняшней аристократией? Без сомнения специалисты: инженеры, врачи, учителя и т. д. Кто внутри этой группы представляет ее достойнее, полнее всех? Без сомнения, ученый, человек науки. Если бы обитатель иной планеты появился в Европе и, чтобы составить о ней понятие, стал разыскивать наиболее достойного представителя, то Европа – в расчете на благоприятный отзыв – непременно указала бы ему на своих людей науки. Гостя, конечно, интересовали бы не исключительные личности, но общий тип «ученого», высший в европейском обществе.

И вот оказывается, что сегодняшний ученый – прототип человека массы. Не

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
случайно, не в силу индивидуальных недостатков, но потому, что сама наука – корень нашей цивилизации – автоматически превращает его в первобытного человека, в современного варвара.

Экспериментальная наука появляется в конце XVI века с Галилеем; в конце 17-го века Ньютон дает ей основные установки, и в середине 18-го она начинает развиваться. Развитие любого явления существенно отличается от самой основы его, оно подчинено иным условиям. Так, например, основные начала «физики» (собираетельное имя экспериментальных наук) требует объединяющего усилия, синтеза; это и было дело Ньютона и его современников. Но развитие физики поставило и задачу обратного характера. Чтобы двигать науку вперед, люди науки должны специализироваться: люди науки, но не наука. Наука не специальность; если бы она ею была, она тем самым не была бы истинной. Даже эмпирическая наука, взятая в целом, перестает быть истинной, как только она оторвана от математики, от логики, от философии. Но исследовательская работа неизбежно требует специализации.

Было бы очень интересно и много полезнее, чем кажется на первый взгляд, написать историю физических и биологических наук, показав, как росла специализация в работе исследователя. Такая история показала бы, как ученые от поколения к поколению все больше ограничивают себя, как поле их духовной деятельности все суживается. Но главный вывод был бы не в этом, а в обратной стороне этого факта: в том, что ученые от поколения к поколению – в силу того, что они все более ограничивают круг своей деятельности, – постепенно теряют связь с остальными областями науки, не могут охватить мир как целое, т. е. утрачивают то, что единственно заслуживают имени европейской науки, культуры, цивилизации.

Специализация наук начинается как раз в ту эпоху, которая назвала цивилизованного человека «энциклопедическим». XIX век начал свою историю под водительством людей, которые жили еще как энциклопедисты, хотя их творческая работа носила уже печать специализации. В следующем поколении центр тяжести перемещается: специализация в каждом ученом оттесняет общую культуру на задний план. Около 1890 г., когда третье поколение взяло на себя духовное водительство в Европе, мы видим уже новый тип ученого, беспримерный в истории. Это – человек, который из всего, что необходимо знать, знаком лишь с одной из наук, да и из той он знает лишь малую часть, в которой непосредственно работает. Он даже считает достоинством отсутствие интереса ко всему, что лежит за пределами его узкой специальности, и называет «дилетантством» всякий интерес к широкому знанию.

Этому типу ученого действительно удалось на своем узком секторе сделать открытия и продвинуть свою науку – которую он сам едва знает, – а попутно послужить и всей совокупности знаний, он которую он сознательно игнорирует. Как же это стало возможным? Как это возможно сейчас? Мы стоим здесь перед парадоксальным, невероятным и в то же время неоспоримым фактом: экспериментальные науки развились главным образом благодаря работе людей посредственных, даже более чем посредственных. Иначе говоря, современная наука, корень и символ нашей цивилизации, впустила в свои недра человека заурядного и позволила ему работать с видимым успехом. Причина этого – в том факте, который является одновременно и огромным достижением, и грозной опасностью для новой науки и для всей цивилизации, направляемой и представляемой наукой; а именно – в механизации.

Большая часть работы в физике или биологии состоит в механических операциях, доступных каждому или почти каждому. Для производства бесчисленных исследований наука подразделена на мелкие участки, и исследователь может спокойно сосредоточиться на одном из них, оставив без внимания остальные. Серьезность и точность методов исследования позволяют применять это временное, но вполне реальное расчленение науки для практических целей. Работа, ведущаяся этими методами, идет механически, как машина, и, для того, чтобы получить результаты, научному работнику вовсе не нужно обладать широкими знаниями общего характера. Таким образом, большинство ученых способствуют общему прогрессу науки, не выходя из узких рамок своей лаборатории, замурованные в ней, как пчелы в сотах.

Но это создает крайне странную касту. Исследователь, открывший новое явление, невольно проникается сознанием своей мощи и уверенностью в себе. Его открытие дает ему право, – вернее некоторое подобие права – считать себя «знатоком». В действительности он обладает лишь крохой знания, которая в совокупности с другими крохами, которыми он не обладает, составляет

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
подлинной знание. Такова внутренняя природа специалиста – типа, который в начале нашего века [27 – имеется в виду XX век] достиг необыкновенного развития. Специалист очень хорошо «знает» лишь свой крохотный уголок вселенной; но ровно ничего не знает обо всем остальном.

Вот законченный портрет странного человека, которого я показал с обеих сторон. Я уже сказал, что это не имеет прецедента во всей истории. Теперь «специалист» служит нам как яркий, конкретный пример "нового человека" и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны. Раньше людей можно было разделить на образованных и необразованных, на более или менее образованных и более или менее необразованных. Но «специалиста» нельзя подвести ни под одну из этих категорий. Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки "человек науки" и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его "ученым невеждой", и это очень серьезно, это означает, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущей знатоку и специалисту.

И действительно, поведение «специалиста» этим отличается. В политике, в искусстве, в социальной жизни, в остальных науках он держится примитивных взглядов полного невежды, но излагает их и отстаивает с авторитетом и самоуверенностью, не принимая во внимание возражений компетентных специалистов. Поистине парадокс! Цивилизация, дав ему специальность, сделала его самодовольным и наглухо замкнутым в своих пределах; внутреннее ощущение своего достоинства и ценности заставляет его поддерживать свой «авторитет» и вне узкой сферы, вне специальности. Оказывается, даже человек высокой квалификации, ученый специалист, – казалось бы, прямая противоположность человека массы – может во многих случаях вести себя точь-в-точь так же.

Это приходится понимать буквально. Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах – в политике, в искусстве, в религии – наши "люди науки", а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было – типичные черты человека массы – достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство – непосредственная причина деморализации Европы. С другой стороны, эти люди – наиболее яркое и убедительное доказательство того, что цивилизация XIX века, предоставленная самой себе, допустила возрождение примитивизма и варварства.

Прямой результат этой неумеренной специализации – тот парадоксальный факт, что, хотя сегодня «ученых» больше, чем когда-либо, подлинно образованных людей гораздо меньше, чем, например, в 1750 г. и хуже всего то, что вращающие "ворот науки", не в состоянии обеспечить подлинный ее прогресс. Для этого необходимо время от времени регулировать ее развитие, производить реконструкцию, перегруппировку, унификацию; но эта работа требует синтетических способностей, а синтез становится все труднее, так как поле действия расширяется, включая новые и новые области. Ньютон мог построить свою теорию физики без особых познаний в философии, Эйнштейн уже должен был хорошо знать Канта и Маха, чтобы прийти к своим выводам. Кант и Мах (я беру эти имена лишь как символы той огромной работы, какую проделал Эйнштейн) освободили ум Эйнштейна, расчистили ему дорогу к открытиям. Но одного Эйнштейна мало. Физика вступает в едва ли не тягчайший из кризисов своей истории; ее может спасти только новая «Энциклопедия», более систематическая, чем первая.

Итак, специализация, которая в течение столетия обеспечивала прогресс экспериментальных наук, приближается к состоянию, когда она не сможет больше продолжать это дело, если новое поколение не снабдит ее более подходящей организацией и новыми людьми.

Но если специалист не представляет себе внутреннего строения своей науки, еще меньше знает об исторических условиях, необходимых для дальнейшего ее развития, – какова должна быть структура общества и человеческой души, чтобы исследование могло идти успешно? Заметный упадок интереса к научной работе, о котором я упоминал, – тревожный симптом для каждого, кто сохранил верное представление о цивилизации; то представление, которого обычно лишен типичный «ученый», краса и гордость нашей цивилизации. Он ведь верит, что

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
цивилизация – это нечто естественное, Богом данное, вроде земной коры или первобытного леса.

XIII. Величайшая опасность – государство

При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, – направлял, представлял, организовывал – вплоть до того момента, когда она перестанет быть массой или, по крайней мере, захочет этого. Но она появилась на свет не для того, чтобы выполнять все это самой. Она должна подчинить свою жизнь высшему авторитету, представленному отборным меньшинством. Можно спорить о том, из кого состоит меньшинство; но кто бы это ни был, без него бытие человечества утратило бы самую ценную, самую существенную свою долю. В этом не может быть ни малейшего сомнения, хотя Европа в течение целого столетия, подобно страусу, прячет голову под крыло, стараясь не замечать очевидной истины. Это не личное мнение, основанное на отдельных фактах и наблюдениях; это закон "социальной физики", гораздо более непреложной, чем закон Ньютона. В тот день, когда в Европе вновь восторжествует подлинная философия – единственное, что может спасти Европу, – человечество снова поймет, что человек – хочет он этого или нет – самой природой своей призван искать высший авторитет. Если он находит его сам, он – избранный; если нет, он – человек массы и нуждается в руководстве.

Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю, о восстании масс. Ибо единственное, что можно с полным правом и по существу назвать восстанием, это неприятие собственной судьбы, восстание против самого себя. Восстание Люцифера было бы, строго говоря, не меньше, если бы он претендовал не на место Бога, ему не предназначенное, а на место последнего из ангелов, что ему тоже не написано на роду. (Если бы Люцифер был русским, как Толстой, он, вероятно, избрал бы вторую форму восстания, которая не меньше направлена против Бога, чем первая, более известная.) Масса выступает самостоятельно только в одном случае: когда она творит самосуд; другого ей не дано. Не совсем случайно суд Линча родился в Америке; ведь Америка – в известном смысле рай для масс. Не случайно и то, что сегодня, в эпоху господства масс, господствует и насилие, что оно становится единственным доводом, возводится в доктрину. Я давно уже отметил, что насилие становится в наше время обычным явлением, нормой [28 – "Расслабленная Испания" (1921) – прим. автора.] Сейчас процесс достиг полного развития, и это хороший признак – значит, теперь он пойдет на убыль. Насилие становится предметом риторики, излюбленной темой пустых краснобаев. Когда реальное историческое явление изживает себя, оно падает жертвой риторики и надолго остается ее пищей. Реальность, как таковая, давно уже умерла, но имя ее живет в устах риториков и, хотя это лишь слово, оно все же сохраняет еще какую-то магическую силу.

Но даже если престиж насилия как цинично установленного образа правления начинает падать, мы все же остаемся под его властью, хотя и в иной форме. Я имею в виду самую серьезную опасность, грозящую сейчас европейской цивилизации. Как и все угрожающие ей опасности, эта тоже родилась из недр самой культуры. Более того, она представляет собою одно из ее славных достижений: это наше современное государство. Мы встречаемся снова с тем явлением, которое мы проследили в предыдущей главе, в случае с наукой – плодотворность принципов науки приводит к беспримерному прогрессу; но этот прогресс неизбежно вызывает специализацию, которая грозит науку задушить.

То же самое происходит и с государством.

Вспомним роль государства во всех европейских нациях к концу XVIII века. Она была ничтожна. Ранний капитализм и его промышленные организации, – в которые впервые победоносно проникла новая техника, – дали первый толчок росту общества. Появился новый социальный класс, численностью и силой превосходивший все предыдущие: буржуазия. Он обладал одним важным качеством – практическим смыслом. Он знал толк в организации, обладал дисциплиной и методичностью в работе, умел вести "государственный корабль". Эта метафора – изобретение самой буржуазии, которая ощущала самое себя как океан, могучий и чреватый бурями. Вначале корабль был миниатюрен: всего было

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
понемногу – и солдат, и чиновников, и денег. Его скотили еще в средние века люди, совсем не похожие на буржуазию, – дворяне. Эта порода отличалась поразительной храбростью, даром управления и чувством ответственности. Им современные государства Европы обязаны своим существованием. Но при всей этой одаренности дворянам всегда не хватало одного – головы. Они обладали ограниченным умом, сентиментальностью, инстинктом, интуицией, словом, были «иррациональны». Поэтому они не могли развить технику – для этого необходима рационализация. Они не могли выдумать пороха – это слишком кропотливо и скучно. Сами не способные к созданию нового оружия, они допустили, чтобы горожане – буржуазия – обзавелись порохом (привозя его с Востока или еще откуда-то); и тогда горожане автоматически выиграли войну у благородных дворян, рыцарей, которые были так закованы в железо, что едва передвигались. Рыцарям в голову не приходило, что вечный секрет победы не столько в методах обороны, сколько в оружии нападения – секрет, снова раскрытый Наполеоном [29 – Эта упрощенная картина великого исторического переворота, в котором буржуазия выбила дворянство из господствующего положения, принадлежит Ранке. Но, конечно, эта символическая и схематическая картина требует многих дополнений, чтобы отвечать действительности. Порох был известен с незапамятных времен. Заряжаемый ствол был изобретен кем-то в Ломбардии и не был в употреблении, пока не отлили первую пулю. Дворяне мало пользовались огнестрельным оружием из-за его дороговизны. Только горожане, экономически лучше организованные, дали ему широкое применение. Однако достоверно, что бароны, представленные средневековым войском бургундцев, потерпели решительное поражение от нового, не профессионального городского войска швейцарцев, главная сила которых была в дисциплине и в новой рациональной тактике. – Прим. автора].

Государство, – прежде всего техника, техника общественного порядка и администрации. "Старый режим" конца XVIII века располагал очень слабым государственным аппаратом, который не мог противостоять напавшим со всех сторон волнам социальной революции. Несоответствие между силой государства и силой общества было настолько велико, что по сравнению с империей Карла Великого государство XVIII века представляется нам выродившимся. Несомненно, империя Каролингов располагала несравненно меньшими средствами, чем королевство Людовика XVI, но, с другой стороны, общество эпохи Каролингов было совершенно бессильно. [30 – Стоило бы остановиться на этом и показать, что эпоха абсолютных монархий в Европе располагала очень слабым государственным аппаратом. Как это объяснить? Ведь общество только еще начинало развиваться. Государство было всемогуще – оно было абсолютно. Почему же оно не обеспечило за собою полноты власти? Одну из причин мы уже указали: неспособность наследственной аристократии к технической и административной рационализации. Но это не все. Суть в том, что в эпоху абсолютизма аристократия не хотела усиления государства за счет общества. Вопреки общепринятому мнению, абсолютное государство инстинктивно уважало и ценило общество гораздо больше, чем сегодняшнее, демократическое. Последнее умнее, но у него меньше чувства исторической ответственности. – Прим. автора]. Громадная разница между силой общества и силой государства была причиной ряда Революций, нет – революций, вплоть до 1848-го.

Благодаря революции буржуазия захватила в свои руки общественную власть и, применив неоспоримые способности к государственной деятельности, на протяжении одного поколения создала мощное государство, которое быстро покончило с революциями. С 1848 г., т. е. с началом второго поколения буржуазных правительств, революции в Европе прекратились – конечно, не потому, чтобы для них не стало оснований, но потому, что не было средств. Силы государства и общества сравнялись. Прощай навсегда, революция! Отныне в Европе возможна лишь противоположность революции, государственный переворот. Все последующее, что казалось революцией, было лишь замаскированным государственным переворотом.

В наше время государство стало могучей, страшной машиной, которая благодаря обилию и точности своих средств работает с изумительной эффективностью. Эта машина помещается в самом центре общества; достаточно нажать кнопку, чтобы чудовищные государственные рычаги пришли в ход, захватывая и подчиняя себе все части социального тела.

Современное государство – наиболее очевидный и общеизвестный продукт цивилизации. Крайне интересно и поучительно проследить отношение человека массы к государству. Он видит государство, изумляется ему, знает, что это оно охраняет его собственную жизнь, но не отдает себе отчета в том, что это – человеческое творение, что оно создано известными людьми и держится на

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
известных ценных свойствах и качествах, которыми люди вчера еще обладали, но завтра могут не обладать. С другой стороны, человек массы видит в государстве анонимную силу и, так как он чувствует себя тоже анонимом, считает государство как бы «своим». Представим себе, что в общественной жизни страны возникают затруднения, конфликт, проблема; человек массы будет склонен потребовать, чтобы государство немедленно вмешалось и разрешило проблему непосредственно, пустив в ход свои огромные, непреодолимые средства.

Вот величайшая опасность, угрожающая сейчас цивилизации: подчинение всей жизни государству, вмешательство его во все области, поглощение всей общественной спонтанной инициативы государственной властью, а значит, уничтожение исторической самостоятельности общества, которая в конечном счете поддерживает, питает и движет судьбы человечества. Массы знают, что, когда им что-либо не понравится или чего-нибудь сильно захочется, они могут достигнуть без усилий и сомнений, без борьбы и риска; им достаточно нажать кнопку, и чудодейственная машина государства точно сделает, что нужно. Эта легкая возможность всегда представляет для масс сильное искушение. Масса говорит себе: "Государство – это я" – но это полное заблуждение. Государство тождественно с массой только в том смысле, в каком два человека равны между собой, потому что они оба – не Петры. Сегодняшнее государство и массы совпадают только в том, что оба они безымянны. Но человек массы действительно верит, что он – государство, и все больше стремится под всякими предлогами пустить государственную машину в ход, чтобы подавлять творческое меньшинство, которое мешает ему всюду, во всех областях жизни – в политике, в науке, в индустрии.

Это стремление кончится плохо. Творческие стремления общества будут все больше подавляться вмешательством государства; новые семена не смогут приносить плодов. Общество будет принуждено жить для государства, человек – для правительственной машины. И так как само государство в конце концов только машина, существование и поддержание которой зависит от машиниста, то, высосав все соки из общества, обескровленное, оно само умрет смертью ржавой машины, более отвратительной, чем смерть живого существа.

Такова была плачевная судьба античной цивилизации. Римская империя, созданная Юлиями и Клавдиями, была, без сомнения, отличной машиной, далеко превосходившей старый республиканский Рим патрицианских фамилий. Однако (любопытное совпадение!) как только Империя достигла полного развития, общественный организм начал разлагаться. Уже во времена Антонинов (2-й век по Р.Х.) государство начинает подавлять общество своим бездушным могуществом, порабощать его; вся жизнь общества отныне сводится к служению государству и постепенно бюрократизируется. К чему это приводит? К постепенному упадку во всех областях жизни; богатство исчезает, деторождение падает. Тогда государство для удовлетворения собственных нужд начинает еще больше закручивать пресс, бюрократизация усиливается: идет уже милитаризация общества. Наиболее острой, безотлагательной потребностью государства становится военная машина, армия. Первая задача государства – безопасность страны (замечим, кстати: та самая безопасность, которая порождает психологию людей массы). Итак, прежде всего армия! Императоры Северы – родом из Африки – милитаризовали всю жизнь империи. Тщетные усилия! Нищета все растет, женщины становятся все бесплоднее. Не хватает уже и солдат. После Северов армия начинает пополняться иностранцами.

Ясен ли нам теперь парадоксальный и трагический процесс этатизма? Чтобы лучше организовать свою жизнь, общество создает государственный аппарат, появляется «государство». Затем «государство» оказывается наверху, а общество отныне должно жить для государства [31 – Вспомним последние слова Септимия Севера наследникам: "Будьте едины, платите солдатам и не заботьтесь об остальном". – Прим. автора]. Но все же государство состоит еще из тех же членов общества. Однако вскоре этих членов уже не хватает для поддержания государства и приходится брать иностранцев – сперва далматов, потом германцев. Постепенно иностранцы становятся господами, а коренное население обращается в горячее для питания государственной машины. Костяк государства пожирает живое тело нации. Мертвая конструкция становится владельцем и хозяином жилого дома.

Кто это постиг, тот, естественно, почувствует тревогу, слыша, как Муссолини с редкой наглостью проповедует формулу, якобы только что чудесным образом открытую в Италии: "Все для государства, ничего кроме государства, ничего против государства!" Этого достаточно, чтобы убедиться, что фашизм –

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
типичное движение людей массы. Муссолини нашел превосходно организованное итальянское государство, организованное не им, но как раз теми силами и идеями, с которыми он борется, – либеральной демократией, и начал безжалостно его истощать. Я не могу здесь разбирать детально его достижения, но могу смело утверждать, что результаты, им достигнутые до сих пор, не могут идти в сравнение с тем, что сделано в области политики и администрации либеральными государствами. Если Муссолини чего-нибудь и достиг, это настолько незначительно, что вряд ли может уравновесить то ненормальное увеличение власти, которое позволило ему использовать государственную машину до крайнего предела.

Этатизм – высшая форма политики насилия и прямого действия, когда она возводится уже в норму, в систему, когда анонимные массы проводят свою волю от имени государства и средствами государства, этой анонимной машины.

Европейские нации стоят перед тяжелым этапом острых внутренних кризисов, сложных проблем – правовых, экономических и социальных. Приходится опасаться, что государства, управляемые людьми массы, не остановятся перед тем, чтобы подавить независимость личности и групп и тем окончательно разбить наши надежды на будущий прогресс.

Конкретный пример такого механизма представляет собою одно из самых тревожных явлений последних 30 лет – огромный рост полиции во всех государствах. Как мы к этому ни привыкли, наша душа не должна забывать, что самый факт трагически парадоксален: чтобы спокойно передвигаться и ходить по своим делам, жителям большого города непременно нужна полиция. Но любители порядка очень наивны, если они думают, что "силы общественного порядка" ограничатся тем, чего от них хотели. В конце концов, решать станут они, и наведут свой порядок.

Когда около 1800 г. новая промышленность начала создавать новый тип человека – индустриального рабочего – с более преступными наклонностями, чем традиционные типы, Франция поспешила создать сильную полицию. Около 1810 года Англия по той же причине – возросла преступность – вдруг обнаружила, что у нее нет полиции. У власти были консерваторы. Что они сделали? Создали полицейскую силу? Ничего подобного. Они предпочли мириться с преступлениями, как только могли. "Народ согласен лучше терпеть беспорядок, чем лишиться свободы". "В Париже, – пишет Джон Уильям Уорд, – отличная полицейская сила, но французы дорого платят за это удовольствие. Я предпочитаю видеть каждые 3 или 4 года, как полдюжине парней рубят головы на Ратклиф Род, чем подвергаться домашним обыскам, шпионажу и всем махинациям фушэ". Вот два представления о государстве. Англичанин предпочитает государство ограниченное.

XIV. Кто правит миром?

Итак, как я уже говорил, развитие европейской цивилизации автоматически привело к "восстанию масс". С одной стороны, это хорошо – ведь так проявляется чудесное повышение общего жизненного уровня. Но обратная сторона поистине ужасна – так падает нравственность современного человека. Рассмотрим теперь этот упадок морали с новой точки зрения.

1.

Сущность или характер новой исторической эпохи – результат как внутренних перемен, изменений в человеке, его духе, так и внешних перемен, формальных, как бы механических. Наиболее важная из перемен второго рода – перемещение власти, ибо оно влечет за собой и перемещение духа.

Поэтому если мы хотим понять какую-то эпоху, первым нашим вопросом должно быть: кто правил тогда миром? Может статься, род людской был тогда разделен на несколько отдельных, не общавшихся между собой групп, которые составляли независимые, замкнутые миры. Во времена Мильтиада средиземноморский мир не знал о существовании мира дальневосточного. В таких случаях мы должны поставить наш вопрос: кто правит миром? – для каждого замкнутого мира отдельно. Но, начиная с XIV века, человечество было захвачено мощным процессом объединения, которое в наши дни достигло небывалых пределов. Теперь уже нет изолированных групп, нет человеческих островов. В наше время тот, кто правит миром, действительно им правит. Три

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
последних столетия эта роль принадлежала однородной группе европейских народов. Европа правила, и под ее единым правлением мир жил единым стилем или, во всяком случае, все более приближался к единству.

Обычно этот стиль жизни называют новым временем – бесцветное, ничего не говорящее имя, за которым кроется вот это, эпоха гегемонии Европы.

Под «правлением» не надо понимать в первую очередь материальную силу, физическое принуждение. Все же я стремлюсь избегать глупостей, хотя бы самых грубых и явных. Так вот: нормальные, прочные отношения между людьми, которые разумеются под словом «правление», никогда не покоятся на силе; наоборот, лишь господствуя, человек или группа людей получают в свои руки аппарат власти, именующийся «силой». Случаи, в которых на первый взгляд сила кажется основой господства, при ближайшем исследовании прекрасно доказывают наш тезис. Наполеон насильно захватил Испанию и некоторое время держался там, но, собственно говоря, он ни одного дня не правил Испанией, хотя обладал силой, или, вернее, именно потому, что он обладал только силой. Надо отличать насильственный захват власти от естественного господства, правления. Правление – нормальное проявление власти, оно всегда основано на общественном мнении – и нынче, и десять тысяч лет тому назад, и среди англичан, и среди бушменов. Ни одна власть в мире никогда не покоилась ни на чем, кроме общественного мнения.

Вы думаете, что суверенитет общественного мнения открыт в 1789 году адвокатом Дантоном или в XIII веке св. Фомой Аквинским? Его открывали повсюду, много раз; но то, что общественное мнение – основная сила, из которой в человеческих сообществах возникает господство, так же старо и прочно, как само человечество. В физике Ньютона сила тяжести – причина движения. Закон общественного мнения – это закон всемирного тяготения в сфере политической истории. Без него история не была бы наукой. Задача истории состоит в том, как метко заметил Юм, чтобы показать, что сила общественного мнения не утопическое мечтание, а самая настоящая реальность, действующая постоянно в жизни общества. Даже тот, кто хочет править, опираясь на янычар, зависит от их мнения и от мнения подданных о янычарах.

На самом деле с помощью янычар не правят. Талейран сказал Наполеону: "Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них нельзя". «Править» значит не "взять власть", а "спокойно пользоваться властью". Править значит сидеть – на троне, в кресле министра, в банке, на Святом Престоле. Вопреки наивным, газетным представлениям, для правления нужны не столько кулаки, сколько зад. Государство, в конце концов, держится на общественном мнении; дело тут в равновесии, в устойчивости.

Иногда нет никакого общественного мнения. Общество разбито на противоборствующие группы, мнения противоположны, власти не сложиться. Но природа не выносит пустоты, и пустое место, возникшее за отсутствием общественного мнения, займет грубая сила. Итак, лишь, в крайнем случае, сила замещает общественное мнение.

Поэтому если мы хотим формулировать закон общественного мнения строго, как закон тяготения в истории, то, принимая во внимание последний случай, мы придем к давно известной формуле: против общественного мнения править нельзя.

Мы замечаем, что всякая власть основана на общественном мнении, тем самым на духе. Стало быть, в конце концов, власть – не что иное, как проявление духовной силы. Это точно подтверждается историческими фактами. Всякая первобытная власть «священна», она коренится в религии; и та же религия – первичная форма всего, что впоследствии зовется идеей, мыслью, иными словами – все нематериальное, метафизическое. В средние века это повторяется в большем масштабе. Первым государством, первой общественной властью образовавшейся в Европе, была Церковь с ее специфической, так и называвшейся "духовной властью". От Церкви светская власть восприняла идею, что и она "духовная власть", господство определенных идей, и возникла "Священная Римская Империя". Так боролись две власти духовного происхождения; а поскольку они не могли разграничить свои сферы по существу (обе духовны!), они условились разделить их по отношению ко времени: одна берет себе все временное, другая – вечное. Светская и религиозная власть одинаково духовны; но одна – дух времени, общественное мнение, изменчивое и мирское; другая – дух вечности, мысль Божия, его суждение о человеке и его судьбах.

Таким образом, слова "в такую-то эпоху правит такой-то человек, такой-то народ, такая-то группа народов" равносильны словам "в такую-то эпоху господствует такая-то система мнений, идей, вкусов, стремлений, целей".

Что понимать под господством мнения? У большинства людей мнения нет, мнение надо дать им, как смазочное масло в машину. Поэтому необходимо, чтобы хоть какой-то дух обладал властью и пользовался ею, снабжая надлежащим мнением тех, кто мнения не имеет, то есть большинство людей. Без мнений общество превратилось бы в хаос хуже того – в историческое ничто. Жизнь утратила бы всякую структуру, организацию. Следовательно, без власти духа, без кого-то, кто правит, человеческое общество хаотично; и хаос царит в нем в той мере, в какой нет власти, нет правителя. И соответственно, каждая смена власти, смена правящих – вместе с тем и смена мнений, смена исторического центра тяжести.

Вернемся теперь к началу. Европа, этот конгломерат духовно родственных народов, несколько веков правила миром. В средние века во временном смысле мире единого правления не было; так случилось во всяком «средневековье» мировой истории. Это эпохи без "общественного мнения", эпохи относительного хаоса, относительного варварства. Есть и эпохи, когда люди любят, ненавидят, стремятся к чему-то, отвращаются от чего-то, и все это горячо, страстно; зато идеи, мнения почти отсутствуют. Эпохи эти не лишены прелести. Но в великие исторические эпохи человечество живет идеями; это эпохи общественного мнения, духовного порядка. Позади средних веков лежит эпоха, в которой, как и в новое время, мы находим властелина, хотя бы только и на ограниченной части мира. Это Рим, великий правитель, который установил порядок в Средиземноморье и в ближних к нему землях.

Сейчас, после войны, слышатся речи о том, что Европа больше не правит миром. Чувствуем ли мы все значение этого диагноза? Он возвещает нам грядущую смену власти. Кто же ее возьмет? Кто будет наследником Европы в господстве над миром? Верно ли вообще, что кто-то явится? А если никого не найдется, что тогда?

2.

Поистине в мире каждый момент, тем самым сейчас, происходит бесконечно много событий. Всякая попытка передать в словах все то, что сейчас действительно происходит, сама по себе смешна. Нам остается одно – построить самим, по нашему разумению конструкцию действительности, предположить, что она отвечает истине, и пользоваться ею, как схемой, сеткой, системой понятий, которая дает нам хоть приблизительное подобие действительности. Это обычный научный метод, больше того – только так пользуются разумом. Когда мы видим нашего друга Петра на садовой дорожке и говорим: "Это Петр" – мы сознательно, иронически делаем ошибку. Ибо для нас Петр – это условный выбор черт, физических и моральных, манеры и поведение – то, что называется «характер»; на самом же деле друг наш Петр иногда ничуть не схож с "нашим другом Петром".

Каждое понятие, самое простое и самое научное, всегда как бы смеется над самим собой, охвачено зубцами иронии, словно бриллиант в золотой оправе. Оно серьезно говорит: "Это – А, вот это Б". Но это напускная серьезность, оно сжимает губы, чтобы не расхохотаться, ибо знает отлично, что «это» не А, а "вот это" – не Б. То, что понятие думает про себя, не совпадает с тем, что оно говорит, и в двойственности этой – причина иронии. Думает оно так: "Я знаю, что, строго говоря, это – не А, а то – не Б; но для практических целей я договорилось с самим собой называть их А и Б".

Такая теория познания рассердила бы древнего грека. Грек верил, что в разуме, в понятиях он обретает саму реальность. Мы же полагаем, что разум и понятия – только предметы домашнего обихода, которыми мы пользуемся, чтобы определить свое положение в бесконечной и крайне проблематичной действительности, называемой жизнью. Жизнь – это борьба с миром вещей, чтобы удержаться среди них. «Понятия» – наш стратегический план, чтобы отразить их наступление. Исследуя ядро любого понятия, мы обнаружим, что оно ровно ничего не говорит нам о самом предмете, но лишь определяет его отношение к нам, к человеку; показывает, что человек может с «ним» сделать или что «оно» может человеку сделать. Такое условное определение «понятия» как чего-то живого, всегда способного принять активное или пассивное участие в нашей жизни, по-видимому, никем еще не высказано. Но оно кажется

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
мне логическим выводом философского исследования, начало которому положил Кант. Если, пользуясь им, мы проследим все прошлые философии вплоть до Канта, то увидим, что в основном все философы говорили одно и то же. В конце концов, каждое открытие в философии лишь обнаруживало, выносило на поверхность то, что было скрыто в глубине.

Однако такое введение вряд ли соответствует нашей основной теме, далекой от чистой философии. Я просто хочу сказать, что в мире (историческом, конечно) сейчас происходит следующее: в течение трех столетий Европа, бесспорно, правила миром; а сейчас она не знает, Наверное, правит ли она еще и будет ли править завтра. Сводя необозримое множество событий и факторов, из которых слагается историческая реальность сегодняшнего дня, к такой короткой формуле, мы в лучшем случае сильно преувеличиваем; и я должен был напомнить, что всякое мышление – вольное или невольное преувеличение. Кто боится преувеличений, должен молчать; более того, он не должен думать, и обречен на идиотизм.

Я действительно верю, что в мире все идет именно так, как я сказал; все остальное – лишь следствия, условия, симптомы и пересуды.

Я не говорил, что господству Европы уже пришел конец, я сказал, только, что с некоторого времени Европа не знает точно, правит ли она сегодня и будет ли править завтра. Вместе с тем у остальных народов Земли появляется соответствующее настроение, – они не уверены в том, что ими кто-то правит.

В последние годы много говорилось о закате Европы. Очень прошу, не будьте так просты, чтобы вспоминать Шпенглера каждый раз, как только речь заходит об этом! Книги еще не было, а все про это говорили, да и книга обязана своим успехом именно тому, что подозрение или тревогу испытывали многие по самым разным причинам.

Об упадке Европы говорилось так часто, что многие приняли это за совершившийся факт. Не то чтобы они были всерьез убеждены, но они привыкли этому верить, хотя, по совести говоря, и не вспомнят, когда же в этом убедились. Книга Уолдо Франка "Новое открытие Америки" целиком основана на предположении, что Европа при последнем издыхании. Франк даже не считает нужным остановиться на этом вопросе и подвергнуть такое грандиозное событие, основание всех его выводов, критическому анализу. Без всякой проверки он исходит из этого предположения, как из бесспорного факта. И эта бесцеремонность подсказывает мне, что сам Франк вовсе не убежден в упадке Европы; куда там, он и вопросы не ставил. Он пользуется этой мыслью, как трамваем. Трюизмы – трамвай умственного транспорта.

Так поступают многие; прежде всего народы, целые народы.

Современный мир ведет себя по-ребячески. В школе, когда учитель выйдет на минуту из класса, мальчишки срываются с цепи. Каждый спешит сбросить гнет, вызванный присутствием учителя, освободиться от ярма предписания, встать на голову ощутить себя хозяином своей судьбы. Но когда предписания, регулирующие занятия и обязанности, отменены, оказывается, что юной ватаге нечего делать: у нее нет ни серьезной работы, ни осмысленной задачи, постоянной цели; предоставленный самому себе, мальчишка может только одно – скакать козлом.

Именно такую безутешную картину представляют собою теперь небольшие нации. Раз уж наступает "закат Европы" и править Европа не будет, народы и народники скачут козлами, кривляются, паясничают или надуваются, пыжятся, притворяясь взрослыми, которые сами правят своей судьбой. Отсюда и «национализмы», которые возникают повсюду.

В предыдущих главах я попытался нарисовать новый тип человека, который сейчас господствует в мире; я назвал его человеком массы и показал отличительную его черту: чувствуя себя заурядным, он провозглашает права заурядности и отказывается признавать все высшее. Если это настроение торжествует в каждом народе, оно, естественно, господствует и во всех нациях в целом. В определенном смысле появляются народы массы, которые решительно восстают против великих творческих народов против, отборного меньшинства, которое создало историю. Поистине смешно, когда мелкая республика вытягивается на цыпочки, ругает из своего уголка Европу и возвещает ее уход из мировой истории.

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org

К чему же это ведет? Европа создала систему норм, ценность и плодотворность которых доказана столетиями. Эти нормы не самые лучшие из возможных, но они, без сомнения обязательны до тех пор, пока не созданы или, по крайней мере, не намечены новые. Раньше, чем их отменить, надо создать другие. Теперь народ массы отменяет нашу систему норм, основу европейской цивилизации; но так как он не способен создать новую, он не знает, что делать, и, чтобы занять время, скачет козлом.

Когда из мира исчезает правитель, вот первое следствие: восставшим подданным нечего делать, у них нет жизненной программы.

3.

Цыган пришел на исповедь. Священник спрашивает его, знает ли он десять заповедей Господних. Цыган отвечает: "Хотел было выучить, отец, да у нас поговаривают, будто их отменяют".

Не так ли сейчас в мире? Поговаривают, что заповеди европейской культуры больше не действительны и человечество – и люди, и народы – пользуется этим предложением, чтобы жить без заповедей; ведь только европейские и были! Дело обстоит не так, как раньше, когда новые, созревшие нормы вытесняли старые, свежий пыл приходил на смену былому, уже остывшему энтузиазму. Это естественно. Больше того – старое оказывается тогда старым не потому, что оно одряхлело, но потому, что новый принцип благодаря своей новизне состарил его. Если бы у нас не было детей, мы не старели бы или старели бы гораздо позднее. То же самое происходит с машинами: автомобиль десятилетней давности кажется более старым, чем двадцатилетний локомотив, только потому, что автомобильная техника развивается быстрее. Закат, вызванный восходом, лишь признак здоровья.

Но то, что сейчас происходит в Европе, нездорово и ненормально. Европейские заповеди потеряли свою силу, а новых на горизонте нет. Европа, говорят нам, теряет господство, но не видно никого, кто занял бы ее место. Под Европой мы понимаем обычно прежде всего триаду – Францию, Англию, Германию. В этой части земного шара созрела та культура, которая организовала и оформила современный мир. Если эти три народа и впрямь "на закате", их жизненные установки утратили силу, нет ничего удивительного в том, что мир теряет нравственность.

А ведь так оно и есть. Весь мир – и народы, и люди – нравственность теряет. Некоторое время такая "свобода от морали" кажется занимательной, даже прекрасной. Низшие классы чувствуют, что освободились от бремени заповедей. Но праздник непродолжителен. Без заповедей, которые обязывают к определенному образу жизни, существование оказывается совершенно пустым. Именно это и случилось с лучшей частью нашей молодежи. Она свободна от уз и запретов – и ощущает пустоту. Бесцельность отрицает жизнь, она хуже смерти. Ибо жить – значит делать что-то определенное, выполнять задание; и в той мере, в какой мы уклоняемся от этого, мы опустошаем нашу жизнь. Вскоре люди взвоят, как бесчисленное множество псов, требуя властителя, который налагал бы обязанности и задания.

Пускай бы Европа не правила, если бы нашелся кто-то, способный ее заменить. Но никого нет и в помине. Нью-Йорк и Москва не представляют ничего нового по сравнению с Европой. Они окраины европейского мира, отрезанные от центра и потому лишенные значения. Говорить о Нью-Йорке и о Москве сейчас еще очень трудно, ибо толком еще не известно, что они такое; несомненно, только одно – они еще не сказали решающего слова. Но и так мы знаем достаточно, чтобы судить об их общем характере. Видимо, они относятся полностью к тому виду явлений, которые я назвал "историческим камуфляжем". «Камуфляж» – то, что кажется чем-то иным, внешне не выявляет сущность, но скрывает ее. Поэтому он вводит в заблуждение всех, кто заранее знал, что камуфляж бывает. Это как с миражом, – если о нем знаешь, видишь верно.

В каждом историческом камуфляже два слоя: глубинный – подлинный, основной; и поверхностный – мнимый, случайный. Москва прикрывается тонкой пленкой европейских идей – марксизмом, созданным в Европе применительно к европейским делам и проблемам. Под этой пленкой – народ, который отличается от Европы не только этнически, но, что еще важнее, по возрасту; народ еще не перебродивший, молодой. Если бы марксизм победил в России, где нет никакой индустрии, это было бы величайшим парадоксом, какой только может случиться с марксизмом. Но этого парадокса нет, так как нет победы. Россия

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской империи были римлянами. У новых народов нет «идей». Если они вырастают в среде, где существует – или недавно существовала – старая цивилизация, они перенимают ее идеи. Вот тут-то и возникает камуфляж. Как я уже говорил, есть два основных типа народов. Есть народы, родившиеся в мире, еще не имевшем цивилизации; таковы египтяне и китайцы. У них все свое, коренное; их стиль прям и ясен. Другие народы появляются и развиваются в пространстве, уже насыщенном древней цивилизацией. Таков был Рим, который создавался на побережье Средиземного моря, напоенном греко-восточной культурой. Поэтому все повадки римлян лишь наполовину их собственные, а наполовину – заимствованные. А заимствованные, заученные действия всегда двусмысленны, не прямы. Тот, кто делает заученный жест, – хотя бы пользуется иностранным словом, – разумеет под ним свое собственное, переводит выражение на свой язык. Чтобы раскрыть камуфляж, нужен также взгляд «сбоку», взгляд переводчика, у которого кроме текста есть и словарь. Я ожидаю появления книги, которая переведет сталинский марксизм на язык русской истории. Ведь то, что составляет его силу, кроется не в коммунизме, но в русской истории. Кто его знает, что из этого выйдет! Несомненно одно – России нужны еще столетия, прежде чем она сможет претендовать на власть. У нее еще нет заповедей, и она должна прикрываться европейским учением, марксизмом. И этого ей хватило, так как юность в ней бьет через край. Юному не нужны резоны, нужен только предлог.

Почти также обстоит дело с Нью-Йорком. Его сегодняшняя сила тоже не основана на своих собственных заповедях, которые он проводит в жизнь. В конце концов все сводится к технике. Что за случайность! Снова европейское, а не свое, не американское изобретение. Техника создана Европой в XVIII и XIX столетиях. И опять совпадение – в эти века создавалась Америка. А нас еще серьезно уверяют, что сущность Америки в ее практическом и техническом восприятии жизни! Гораздо вернее было бы сказать: Америка, как всякая колония, омолодила старые народы, особенно европейские. Подобно России, хотя и по другим причинам, США являют собой тот особый исторический феномен, который мы называем "новым народом". Это могут счесть лишь фразой, но это реальный факт. Америка сильна своей юностью, которая служит современной заповеди, «технизации», но с таким же успехом могла бы служить буддизму, если бы он был лозунгом эпохи. Этим Америка только начинает свою историю. Ее испытания, затруднения, конфликты только разворачиваются. Еще многое должно прийти, в том числе – и ничуть не связанное с практицизмом и техникой. Америка моложе России. Я всегда утверждал, что американцы – народ первобытный, закамуфлированный новейшими изобретениями; и боялся, что преувеличиваю. Но Уолдо Франк в "Новом открытии Америки" откровенно говорит то же самое. Америка еще не страдала, и было бы иллюзией считать, что она еще обладает добродетелями властителя.

Если вы не хотите прийти к пессимистическому выводу, что править некому, и тем самым исторический мир снова обратится в хаос, вернемся к исходному пункту и серьезно спросим себя: верно ли, что Европа – на закате и слагает с себя господство, отрывается от него? Быть может, видимость упадка – благотворный кризис, который поможет Европе стать подлинной Европой? Быть может, упадок европейской нации неизбежен а priori, чтобы в один прекрасный день возникли Соединенные Штаты Европы и плюрализм ее сменился истинным единством?

4.

Власть и подчинение решают в каждом обществе. Если неясно, кто приказывает и кто повинуется, все идет туго. Даже внутренняя, личная жизнь каждого индивида (за исключением гениев) нарушается и искажается. Если бы человек был одиночкой, лишь случайно вступающим в общение с остальными людьми, он, вероятно, мог бы избежать потрясений, которые порождают кризис власти. Но человек по внутренней своей природе – существо социальное, и на его личность влияют те события, которые непосредственно касаются только общества как целого. Поэтому достаточно рассмотреть индивида, чтобы понять, как в его стране ставится проблема власти и подчинения.

Было бы интересно и даже поучительно проделать такой опыт, разобрав характер среднего испанца. Однако это было бы настолько неприятно, что я ограничусь выводами. Мы обнаружили бы огромное падение нравов, распущенность, огрубение, деградацию, ибо у Испании уже несколько веков нечиста совесть, если речь идет о власти и подчинении. Падение нравов происходит оттого, что пороки становятся привычными, постоянными, все же

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
считаюсь пороками. Поскольку порочность и ненормальность не превратишь в здоровый порядок, для индивида не остается иного выхода, как приспособиться и стать соучастником недолжного. У всех народов бывали периоды, когда ими пытались править те, кто править не должен; но здоровый инстинкт помогал им напрочь все силы и отразить неправомерные притязания. Они восставали против беззакония и тем самым восстанавливали общественную нравственность. Испанцы поступили, наоборот: вместо того чтобы противиться власти, неприемлемой для их внутреннего чувства, они предпочли извратить все свое существо и бытие, приспособить его к неправде. Пока у нас такое положение, напрасно ожидать чего-либо от испанцев. В обществе, где государство, самая власть построены на лжи, нет силы и гибкости, а без них не выполнишь нелегкой задачи – не утвердишь себя достойно в истории.

Так странно ли, что стоит слегка поколебаться, усомниться, кто правит миром, чтобы повсюду – и в общественной, и в частной жизни – началось нравственное разложение?

Человеческая жизнь по самой своей природе должна быть чему-то посвящена – славному делу или скромному, блестящей или будничной судьбе. Наше бытие подчинено удивительному, но неумолимому условию. С одной стороны, человек живет собою и для себя. С другой стороны, если он не направляет жизнь на служение какому-то общему делу, то она будет скомкана, потеряет цельность, напряженность и «форму». Мы видим сейчас, как многие заблудились в собственном лабиринте, потому что им нечему себя посвятить. Все заповеди, все приказы потеряли силу. Казалось бы, чего лучше – каждый волен делать, что ему вздумается, и народы тоже. Европа ослабила вожжи, которыми управляла миром. Но результат оказался другим, чем ожидали. Жизнь, посвященная самой себе, потеряла себя, стала пустой, бесцельной. А так как нужно чем-то себя наполнить, она выдумывает пустые занятия, не говорящие ничего ни уму, ни сердцу. Сегодня ее тянет к одному, завтра к другому, противоположному. Жизнь гибнет, когда она предоставлена самой себе. Эгоизм – это лабиринт. Что ж, вполне понятно. Подлинная жизнь должна стремиться к чему-то, идти к цели. Цель – не мое стремление, не моя жизнь, но то, чему я жизнь посвящаю; таким образом, она вне жизни. Если я посвящаю жизнь себе самому, живу эгоистом, я не продвигаюсь вперед и никуда не прихожу; я вращаюсь на одном месте. Это и есть лабиринт, – путь, который никуда не ведет, теряется сам в себе, ибо в себе блуждает.

После войны европеец замкнулся; у него ничего нет впереди, ни для себя, ни для других. Поэтому исторически мы сейчас там же, где были десять лет назад.

Управлять не так-то просто. Власть – давление, оказываемое на других; но это еще не все, иначе это было бы просто насилие. Нельзя забывать, что у власти две стороны: приказывают кому-то, но приказывают и что-то. Что же? В конечном счете, участвовать в каком-то деле, в творчестве истории. У каждого правительства есть жизненная программа, точнее – программа правления. Как сказал Шиллер: "Когда короли строят, у возчиков есть работа".

Поэтому мы не согласны с тем банальным взглядом, который видит в действиях великих людей и народов только эгоистические мотивы. Быть чистым эгоистом не так-то легко, да они никогда и не добивались успеха. Кажущийся эгоизм великих народов и великих людей – не что иное, как неизбежная твердость, присущая каждому, кто посвятил жизнь какому-то делу. Если нам действительно предстоит что-то сделать, если мы должны посвятить себя служению, от нас нельзя требовать, чтобы мы уделяли внимание прохожим и совершали маленькие "добрые дела". Путешественникам очень нравится, что, если спросишь испанца, где такая-то улица или площадь, он часто идет с вами до самого места. Но я все думаю: шел ли он вообще куда-нибудь? Не гуляет ли мой соотечественник лишь затем, чтобы встретить и проводить иностранца?

Сомнение в том, что кто-то еще правит миром, ощущается сейчас в Европе; но положение станет угрожающим, когда сомнение перекинется и к остальным материкам и народам (исключая разве самых юных, доисторических). Однако еще опаснее, что это "топтание на месте" может совершенно деморализовать самих европейцев. Я говорю так не потому, что я сам европеец, и не потому, что мне безразличны судьбы мира, если его возглавят не-европейцы. Отставка Европы не тревожила бы меня, если бы налицо была другая группа народов, способная заместить ее в роли правителя и вождя планеты. Я даже не требую так много. Я удовлетворился бы тем, что никто в мире не правит, если бы при

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
этом не улетучились все достоинства и таланты европейского человека.

Но увы! Это неизбежно. Стоит европейцу привыкнуть к тому, что он больше не управляет, и через полтора поколения старый континент, а за ним и целый свет погрузятся в нравственное оупение, духовное бесплодие, всеобщее варварство. Только сознание своей власти и дисциплина ответственности могут держать в должном напряжении духовные силы Запада. Наука, искусство, техника и все остальное могут процветать только в бодрящей атмосфере, созданной ощущением власти. Как только оно угаснет, европеец начнет падать все ниже. Он утратит ту несокрушимую веру в себя, благодаря которой он так смело и упорно овладевал великими, новыми идеями. Он станет непоправимо будничным. Неспособный более к творческому взлету, он погрязнет во вчерашнем, обыденном, рутинном и превратится в педантичное, надутое существо, подобно грекам периода упадка или эпохи Византии.

Творческая жизнь требует высокой чистоты, великой красоты, постоянных стимулов, подстегивающих сознание своего достоинства. Творческая жизнь – жизнь напряженная, она возможна лишь в одном из двух положений: либо человек правит сам, либо он живет в мире, которым правит тот, за кем это право всеми признано. Либо власть, либо послушание. Но послушание не значит "покорно сносить все" – это было бы падением; наоборот, в послушании чтут правителя, следуют за ним, поддерживают его, радостно становятся под его знамя.

5.

Вернемся теперь к исходному пункту нашего очерка: к тому странному факту, что в последние годы много говорят об упадке Европы. Удивляет уже то, что упадок этот открыт не иностранцами, а самими европейцами. Когда за пределами старого материка никто еще об этом и не думал, в Англии, Германии и Франции нашлись люди, которые пришли к тревожной мысли: не стоим ли мы перед закатом Европы? Печать подхватила эту мысль, и сегодня весь свет говорит об упадке как о неоспоримом факте.

Но спросите этих глашатаев упадка, на каких конкретных, осязаемых данных они основывают свой диагноз? Они тотчас разведут руками, как люди, потерпевшие поражение. Они и сами не знают, за что им уцепиться. Единственное, что у них имеется, – это экономические затруднения, стоящие перед всеми европейскими странами. Но когда дело доходит до того, чтобы точнее определить эти затруднения, оказывается, что ни одно из них не угрожает серьезно производительным силам Европы, старый континент переживал и гораздо более тяжелые кризисы.

Разве немцы или англичане не могут теперь производить больше и лучше, чем раньше? Конечно, могут; и очень важно получше понять, что чувствует по этому поводу англичанин или немец. Любопытно, что их бесспорная депрессия вызвана вовсе не тем, что они чувствуют себя слабыми, а тем, что, сознавая себя более сильными, чем раньше, они натываются на какие-то роковые преграды, которые мешают им осуществить то, что вполне в их силах. Эти преграды для развития германского, французского, английского хозяйства – политические границы стран. Затруднения не в экономических проблемах, но в том, что формы общественной жизни, в которых должна развиваться экономика, не соответствуют ее размаху. Ощущение упадка и бессилия, – которое, несомненно, отравляет нашу жизнь, – проистекает именно из этого несоответствия между огромными возможностями сегодняшней Европы и той формой политической структуры, в рамках которой она вынуждена действовать. Жизненный импульс, энергия, необходимые для разрешения насущных проблем, так же велики, как и раньше; но они стеснены узкими перегородами, которые разделяют материк на мелкие государства. В этом вся причина пессимизма и депрессии: Европа напоминает огромную, могучую птицу, которая отчаянно бьется о железные прутья клетки.

Подтверждение этому мы находим и в других областях, весьма далеких от экономики и, тем не менее, попавших в такое же положение, – например, в области интеллектуальной. Сегодня каждый «интеллектуал» в Германии, в Англии или во Франции ощущает, что границы его государства стесняют его, он задыхается в них; его национальная принадлежность лишь ограничивает, умаляет его. Немецкий ученый уже понимает, как нелепо то, что вынуждает создавать немецкая ученая среда; он видит, что и ему не хватает той высокой свободы, которой пользуется французский писатель или английский эссеист. И, наоборот, парижский литератор догадывается, что галльские традиции

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
словесного изыска уже исчерпаны, и он охотно заменил бы их, – сохранив лишь лучшие их черты – некоторыми достоинствами немецкого ученого.

То же самое происходит и во внутренней политике. Очень странный вопрос, – почему политическая жизнь во всех крупных государствах Европы стоит так низко – до сих пор не анализирован, и удовлетворительного ответа на него нет. Говорят, что демократические учреждения утратили популярность. Вот это-то и требует объяснения, ибо эта утрата поистине удивляет. Во всех государствах бранят парламент и, однако, нигде не пытаются его упразднить. И нет никакого плана новой формы государственного устройства, нет даже утопической идеи, которая хотя бы в теории казалась лучше. Значит, не так уж достоверно, что парламент отслужил свой век. Зло не в самих учреждениях (они инструменты общественной жизни), а в целях, для которых ими пользуются. Нет программ, отвечающих уровню и возможностям современного европейского бытия.

Перед нами – оптический обман, который нужно раз и навсегда исправить, ибо проблема парламентаризма постоянно вызывает самые нелепые мнения. Есть немало серьезных возражений против традиционной парламентской практики; но при ближайшем рассмотрении оказывается: ни одно из них не приводит к заключению, что парламент надо упразднить; они указывают, что его надо реформировать. Тем самым парламент признается необходимым и жизнеспособным. Сегодняшний автомобиль возник из поправок, какие выдвигались против автомобиля в 1910 году. Однако всеобщее разочарование в парламенте происходит не из этих возражений. Говорят: парламент непригоден! Позвольте спросить: непригоден к чему? Годность – это способность выполнить задание, достигнуть цели. В данном случае цель – разрешение общественных проблем в государстве. Поэтому каждый, кто называет парламент непригодным, должен указать иной способ решения современных общественных проблем. Так как иного способа ни у кого нет и даже теоретически вопрос еще не уяснен, мы не вправе ставить парламентаризм к позорному столбу. Полезнее было бы вспомнить, что за всю историю не было создано ничего более величественного, более достойного, чем парламентские государства XIX века. Это очевидно, и забывать об этом глупо. Таким образом, можно говорить лишь о том, что необходима радикальная реформа Законодательного Собрания, чтобы повысить его дееспособность; но вовсе не о его бесполезности.

Разочарование в парламенте не имеет ничего общего с его общеизвестными недостатками и даже с самим парламентом, как политическим инструментом. Оно вызвано тем, что европеец не знает, как использовать это учреждение. Он разочаровался в традиционных целях общественной жизни. Он не питает больше иллюзий насчет национального государства, в котором чувствует себя ограниченным, вроде пленника. Если внимательно присмотреться к этому общеизвестному факту, то мы заметим, что в большинстве стран граждане не питают больше уважения к собственному государству, будь то Англия, Германия или Франция. Поэтому бесцельно менять детали государственной структуры – дело не в них, а в самом государстве, оно стало слишком малым.

Впервые в своей политической, экономической и духовной деятельности европеец наталкивается на границы своего государства; впервые он чувствует, что его жизненные возможности непропорциональны размерам того политического образования, в которое он включен. И тут он делает открытие: быть англичанином, немцем, французом значит быть провинциалом. Ему приходит на ум, что он как бы уменьшился по сравнению с прошлым, ибо раньше англичанин, немец, француз думали про себя, что они – вселенная. Здесь, как мне кажется, подлинная причина того ощущения упадка, которое мучает европейца. Причина субъективная, иллюзорная, парадокс – ведь иллюзия упадка возникла потому, что способности человека возросли, и старая организация стала для них тесна.

Чтобы пояснить сказанное на конкретном примере, возьмем хотя бы автомобильное производство. Автомобиль – чисто европейское изобретение; однако, на первом месте сейчас Америка. Вывод: европейская машина в упадке. Тем не менее, европейские техники и промышленники ясно видят, что преимущества американской продукции объясняются вовсе не превосходством людей за океаном, а просто тем, что американская промышленность работает без всяких ограничений на свой рынок в 120 миллионов населения. Представим себе, что европейский завод имел бы беспрепятственный сбыт во все европейские страны с их колониями и зонами влияния; несомненно, его продукция, рассчитанная на сбыт населению в 500–600 миллионов людей, далеко превзошла бы Форда. Исключительное превосходство американской техники почти

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
целиком обусловлено величиной и однородностью ее рынка. Рационализация производства появляется автоматически, как следствие расширения рынка.

Итак, действительное положение Европы можно описать следующим образом: ее долгое и блестящее прошлое привело ее к новой жизненной стадии, где все размеры возросли; но структура, унаследованная от прошлых времен, теперь мала ей, тормозит ее развитие. Европа возникла как комплекс малых наций. Идея нации и национальное чувство были ее самыми характерными достижениями. Теперь ей необходимо преодолеть самое себя. Вот схема грандиозной драмы, которая должна разыгаться в ближайшие годы. Сможет ли Европа стряхнуть с себя пережитки прошлого, или она навсегда останется их пленницей? В истории уже были примеры, когда великая цивилизация умирала только потому, что не смогла вовремя отказаться от изжитой идеи государства и найти ей замену.

6.

В другом своем труде я исследовал агонию и смерть греко-римского мира, и в том, что касается подробностей, отсылаю к этому труду [32 - "Sobre la muerte de Roma". El Espectador, VI - прим. автора]. Сейчас я бы хотел подойти к теме с другой точки зрения.

Мы видим, что греки и римляне при появлении на арене истории живут в городах (*urbs, polis*), наподобие пчел в улье. Этот факт, необъяснимый и таинственный сам по себе, мы должны принимать как данность, подобно тому, как зоолог исходит из голого, необъяснимого факта, что оса живет бездомной одиночкой, а золотые пчелы живут только роем в ульях. Правда, раскопки и археология позволяют нам узнать кое-что о том, что происходило на территории Афин и Рима до их основания. Но переход от доисторического периода, чисто сельского и ничем не замечательного, к возникновению города – плода новой эпохи, возвращенного на почву обоих полуостровов, – остается тайной; нам неизвестна даже этническая связь между доисторическими народами и удивительной общественностью, которая обогатила человечество новинкой, создав общественные площади и вокруг них город, отгороженный стенами от поля. Для правильного определения античного города лучше всего подходит такое шуточное определение: берут дыру, туго обвивают проволокой, и получается пушка. Так и город начинается с пустого места – площадь, рынок, форум в Риме, агора в Греции; все остальное – лишь придаток, необходимый, чтобы ограничить эту пустоту, отгородить ее от окружения. Первоначальный «полис» не скопление жилых домов, а, прежде всего место народных собраний, специальное пространство для выполнения общественных функций. Город не возник, подобно хижине или дому, чтобы укрыться от непогоды растить детей и для прочих личных и семейных дел. Город предназначен для вершения дел общественных. Так создан вид пространства, более новый, чем открытый впоследствии Эйнштейном. До тех пор был только один вид обитаемого пространства – открытая деревня, и люди жили в ней, со всеми последствиями, какие влечет за собой такое существование. Сельский житель – существо еще растительного порядка. Вся его жизнь, его ощущения, мысли, желания сохраняют в себе нечто от дремотной апатии растений. Великие азиатские и африканские цивилизации были в этом смысле большими антропоморфными растениями. Но античный человек решительно оторвался от поля, от природы, от геоботанического космоса. Как это возможно? Как может человек покинуть природу? Куда он может пойти? Ведь «поле» безгранично, оно занимает всю землю! Очень просто: он обносит кусок этого поля стеной и противопоставляет его бесформенному, бесконечному пространству. Так возникает площадь. Она не похожа на дом, на «интерьер», прикрытый сверху наподобие пещеры, встречающейся в «поле»; она поле отрицает. Благодаря окружающим ее стенам площадь, отгородившийся клочок поля, показывает спину его остатку, становится в оппозицию к нему. Маленький мятежник, обособившийся от великой матери-земли, образует новый, особый жизненный простор. Здесь человек, освободившись от всякого общения с животным и растительным миром, создает замкнутый в себе, чисто человеческий мир – сообщество граждан. Великий гражданин Сократ – квинтэссенция греческого «полиса» – выразил это так: "Что мне деревья в поле? Я имею дело только с людьми в городе". Что знали об этом индусы, персы, китайцы или египтяне?

До Александра Македонского и Цезаря история Греции и Рима сводится к непрерывной борьбе между этими двумя мирами – разумным городом и растительной деревней, законодателями и крестьянами; между *jus* и *rus*.

Теория происхождения города не моя фантазия и не метафора. Жители греко-латинских городов с редким упорством хранят в глубине своей памяти

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
воспоминание о «синойкизмсе». Это слово не нуждается в разъяснении, достаточно дать его точный перевод. «Синоиксмос» – решение вести общественную жизнь, переход к народному собранию и в физическом, и в правовом смысле слова. За периодом растительного рассеяния следует период сосредоточения людей в городах. Город – это «сверхдом», это преодоление «дома», гнезда первобытных людей; это создание высшей, более сложной и абстрактной социальной единицы, чем «ойкос» (очаг) семьи. Город – это республика, «политея», состоящая не из мужчин и женщин, как таковых, но из «граждан». Для человеческого бытия открывается новое измерение, несводимое к тем, что даны природе, и что сближают человека с животным. И в своем стремлении к нему те, что были до сих пор только «людьми», напрягают все свои силы. «Город» с самого начала возникает как государство.

Все побережье Средиземного моря всегда проявляло в какой-то степени внутреннюю склонность к этому типу государств. Он повторяется в более или менее чистом виде в Северной Африке (Карфаген – "город"). В Италии тип города-государства сохранился до XIX века, а испанский Левант стремится к самостоятельности, и это последний отголосок тысячелетней тенденции [33 – интересно было бы показать, как в Каталонии действуют две противоположные силы: европейский «национализм» и "дух города" Барселоны, где склонности древнего, средиземноморского человека еще живы. Поэтому я назвал бы левантинца последним отпрыском античного человека на Пиренейском полуострове. – прим. автора].

Благодаря малым размерам и относительной простоте своей структуры город-государство позволяет яснее распознать сущность государственного принципа. С одной стороны, указывает, что исторические силы достигают здесь равновесия и устойчивости. В этом смысле государство противоположно историческому движению; это установившееся, упорядоченное, статическое общество. Но за неподвижностью, за спокойным, законченным образом скрываются – как за всяким равновесием – динамика, игра сил, которые создали государство и его поддерживают. Она напоминает нам о том, что установившееся государство лишь результат прежних боев и усилий, направленных к его созданию. Установившемуся государству предшествовало становление его, и в этом заключен принцип движения.

Государство не подарок; человек должен сам, своим трудом создавать его. Его надо отличать от орды, от племени и прочих форм общества, основанных на кровном родстве и созданных самой природой, без участия человека. Государство возникает тогда, когда человек стремится уйти от первобытного общества, к которому принадлежит по крови (вместо крови мы можем поставить здесь любой иной естественный признак, например, язык). Государство возникает, смешивая расы и языки. Оно преодолело естественное общество; оно разнокровно и многоязычно.

Итак, город возник из соединения племен. На почве племенного многообразия возникает абстрактное правовое единство [34 – правовое единство не требует непременно централизации. – прим. автора]. Конечно, не потребность в правовом единстве толкает к созданию государства. Тут действует импульс гораздо более существенный, чем законность, перспективы несравненно более крупных задач, чем те, которые доступны небольшим кровным союзам. В зарождении и развитии каждого государства мы видим или угадываем великих преобразователей.

Исследуя историческую ситуацию, непосредственно предшествующую возникновению государства, мы всегда находим отдельные мелкие общины с такой структурой, что каждая из них может жить обособленно, своей замкнутой жизнью. Это указывает на то, что в прошлом общины действительно жили изолированно, каждая сама по себе, без общей связи, лишь случайно соприкасаясь с соседями. За эпохой изоляции следует период внешних, главным образом хозяйственных связей. Члены общин уже не ограничиваются своим узким кругом; частично их жизнь уже связана с жизнью членов иных групп, с которыми они поддерживают экономические и духовные отношения. Таким образом, возникает конфликт между двумя кругами жизни, внутренним и внешним. Установившиеся духовные связи – право, обычаи, религия – благоприятствуют внутреннему кругу и тормозят внешний, более обширный и новый. В этом положении государственное начало стремится разрушить старую социальную структуру малой, внутренней общины и заменить ее новой, отвечающей жизни большого, внешнего сообщества. Если приложить эту схему к современному состоянию Европы, абстрактные выражения получают конкретную форму и окраску.

Новое государство может возникнуть лишь тогда, когда каким-то народам удастся освободиться от традиционной общественной структуры и взамен изобрести новую, до сих пор неизвестную. Это – творчество в подлинном смысле этого слова. Создание нового государства начинается со свободной игры воображения. Фантазия – освобождающая сила, дарованная человеку. Народ может стать государством постольку, поскольку он способен его вообразить. Отсюда следует, что всем народам положены границы в их государственном развитии, те границы, которые природа положила их воображению.

Греки и римляне оказались способными вообразить город, который преодолел деревенскую разьединенность; но они остановились на городских стенах. Правда, был один, который хотел вести античный мир еще дальше, освободить и от города; но его усилия были тщетны. Бедность фантазии, воплощенная в Бруте, толкнула Рим на убийство Цезаря, воплощавшего творческую фантазию древнего мира. Мы, сегодняшние европейцы, должны помнить об этой древней истории, ибо наша собственная история открыта сегодня на той же главе.

XV. Мы подходим к самой проблеме

Проблема в том, что Европа осталась без морали. Человек массы отбросил устаревшие заповеди не с тем, чтобы заменить их новыми, лучшими; нет, суть его жизненных правил в том, чтобы жить, не подчиняясь заповедям. Не верьте молодежи, когда она говорит о какой-то "новой морали". Сейчас во всей Европе не найдется людей "нового этоса", признающего какие-либо заповеди. Те, что говорят о "новой морали", просто хотят сделать что-нибудь безнравственное и подыскивают, как бы поудобней протащить контрабанду.

Поэтому наивно упрекать современного человека в отсутствии морального кодекса: этот упрек оставил бы его равнодушным или, может быть, даже польстил бы ему. Безнравственность стоит очень дешево, и каждый щеголяет ею.

Если оставить в стороне, как мы делали до сих пор, тех, кого можно считать пережитком прошлого, – христиан, идеалистов, старых либералов, – то среди представителей нашей эпохи не найдется ни одной группы, которая бы не присваивала себе все права и не отрицала обязанностей. Безразлично, называют ли себя люди революционерами или реакционерами; как только доходит до дела, они решительно отвергают обязанности и чувствуют себя, без всяких к тому оправданий, обладателями неограниченных прав. Чем бы они ни были воодушевлены, за какое бы дело ни взялись – результат один и тот же: под любым предлогом они отказываются подчиняться. Человек, играющий реакционера, будет утверждать, что спасение государства и нации освобождает его от всяких норм и запретов и дает ему право истреблять ближних, в особенности выдающихся личностей. Точно так же ведет себя и «революционер». Когда он распинается за трудящихся, за угнетенных, за социальную справедливость, это лишь маска, предлог, чтобы избавиться от всех обязанностей – вежливости, правдивости, уважения к старшим и высшим. Люди подчас вступают в рабочие организации лишь затем, чтобы по праву презирать духовные ценности. Мы видим, как диктатуры заигрывают с людьми массы и льстят им, попирая все, что выше среднего уровня.

Бегство от обязанностей частично объясняет смехотворное, но постыдное явление: наша эпоха защищает молодежь "как таковую". Быть может, это самое нелепое и уродливое порождение времени. Взрослые люди называют себя молодыми, так как они слышали, что у молодежи больше прав, чем обязанностей; что она может отложить выполнение обязанностей на неопределенное время, когда «созреет». Молодежь, как таковую, всегда считали свободной от обязанностей делать что-то серьезное, она всегда жила в кредит. Это неписаное право, полуироническое, полуласковое, снисходительно предоставляли ей взрослые люди. Но сейчас поразительно то, что это право она приняла всерьез, чтобы вслед за ним требовать себе и остальные права, подходящие только тем, кто что-то совершил и создал.

Дело дошло до невероятного: молодость стала предметом спекуляции, шантажа. Мы действительно живем в эпоху всеобщего шантажа, который принимает две взаимно дополняющие формы: шантаж угрозы или насилия и шантаж насмешки и глумления. Оба преследуют одну и ту же цель – посредственность, чтобы человек толпы мог чувствовать себя свободным от всякого подчинения высшему.

Поэтому не следует идеализировать нынешний кризис, изображая его как борьбу между двумя кодексами морали или между двумя цивилизациями, упадочной и нарождающейся. Человек массы просто обходится без морали, ибо всякая мораль в основе своей – чувство подчинения чему-то, сознание служения и долга. Может быть, слово «просто» здесь не уместно. Освободиться от морали не так-то просто. Того, что обозначается словом «аморальный», в действительности не существует. Кто отвергает все нормы, тот неминуемо отрицает и самую мораль, идет против нее; это уже не аморально, а антиморально, не безнравственно, а антинравственно. Это отрицательная, негативная мораль, занявшая место истинной, положительной.

Почему же поверили в аморальность жизни? Без сомнения, только потому, что вся современная культура и цивилизация приводят к этому убеждению. Европа пожинает ядовитые плоды своего духовного перерождения. Она слепо приняла культуру поверхностно блестящую, но не имеющую корней.

Эта книга – попытка набросать портрет европейского человека определенного типа, главным образом – в его отношении к той самой цивилизации, которая его породила. Необходимо это потому, что этот тип – не представитель какой-то новой цивилизации, борющейся с предшествующей; он знаменует собою голое отрицание, за которым кроется паразитизм. Человек массы живет за счет того, что он отрицает, а другие создавали и копили. Поэтому не надо смешивать его «психограмму» с главной проблемой, – каковы коренные недостатки современной европейской культуры? Ибо очевидно, что, в конечном счете, тип человека, господствующий в наши дни, порожден именно ими.

Но эта проблема выходит за рамки нашей книги. Пришлось бы развернуть во всей полноте ту доктрину человеческого существования, которая здесь вплетена как побочный мотив, едва намечена, чуть слышна. Быть может, скоро мы будем о ней кричать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/>

Приятного чтения!

notes

Примечания

1

именно потому, что жизнь человеческая ограничена во времени, человек смертен, он должен преодолевать пространство и время. Для бессмертного божества автомобиль бы не имел смысла – прим. автора

2

В худшем случае, когда мир не предлагает нам второго выхода, он у нас все же остается в запасе – уйти из этого мира. Уход из мира – часть мира, как дверь – часть комнаты. – прим. автора

3

Мир Ньютона был бесконечен, но эта бесконечность носила не конкретный, не материальный характер; это просто обобщение, абстракция, бессодержательная утопия. Мир Эйнштейна конечен, но конкретен и наполнен во всех своих частях; следовательно, он богаче содержанием и тем фактически больше – прим. автора

4

Свобода духа, т. е. сила интеллекта, измеряется способностью расщеплять понятия, традиционно неразделимые. Процесс диссоциации гораздо труднее, чем процесс ассоциации, как показал Келер своими наблюдениями над разумом шимпанзе. Сегодня человеческий ум обладает такой способностью диссоциации, как никогда раньше. – прим. автора

5

Отсюда и рождаются теории упадка. Дело не в том, что мы чувствуем в себе упадок, а в том, что все в будущем возможно, включая это. – прим. автора

6

Герман Вейль, один из крупнейших современных физиков, сотрудник и продолжатель дела Эйнштейна, как-то сказал, что если бы 10 или 12 из наших видных ученых внезапно умерли, то почти наверно многие чудеса современной физики были бы навсегда утрачены для человечества. Работа многих столетий была необходима для того, чтобы приспособить наш мыслительный аппарат к абстрактной сложности физики. Каждая случайность может свести на нет все чудесные возможности человечества, на которых к тому же стоит и техническая культура – прим. автора

7

девятнадцатого

8

Как бы ни был богат и силен отдельный человек в сравнении с окружающими, мир был беден и убог, богатство и силы мало использовались. В наши дни средний обыватель живет богаче и привольнее, чем жили владыки прошлых веков. Что за беда, если он не богаче других. Мир стал богаче и дает ему все: великолепные дороги, поезда, телеграф, отели, личную безопасность и аспирин. – Прим. автора

9

Предоставленная собственным инстинктам, масса как таковая – плебеи или «аристократы» – в стремлении улучшить свою жизнь сама разрушает источники жизни. – Прим. автора

10

К массе духовно принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже сидящей в его голове. Наоборот, человек элиты не ценит готовых мнений, взятых без проверки, без труда, он ценит лишь то, что до сих пор было недоступно, что приходится добывать усилием. – Прим. автора

11

Моя цель – вернуть слову «noblesse» его первоначальное значение, исключая наследственность. Здесь не место исследовать вопрос о наследственной аристократии, "благородной крови", которая играет такую

12

Я часто спрашивал себя вот о чем: несомненно, многим людям труднее и горше всего общаться, сталкиваться с глупостью ближних. Как же случилось, что никто не попытался изучить ее, написать "Опыт о глупости"? (Мне кажется, что не пытались). – Прим. автора

13

Кто в споре не старается держаться истины, не стремится быть правдивым, тот умственный варвар. Именно таков человек массы, когда ему приходится вести дискуссию, устную или письменную. – Прим. автора

14

Я не сомневаюсь, что большинство читателей не примет этих выражений всерьез, в буквальном смысле; даже самые благосклонные сочтут их метафорами. Только редкий читатель, достаточно прямой, не воображающий, будто он насквозь знает жизнь, позволит себе принять эти слова в прямом значении. И только он их правильно поймет, независимо от того, верны они или нет. Среди остальных будет полное единодушие, одним лишь различием: одни будут думать, что, серьезно говоря, жизнь – процесс духовный, другие – что это нечто вроде ряда химических реакций. Для читателей с такой герметически замкнутой душой я попробую дать мою мысль в иной формулировке: первичное, основное значение «жизни» раскрывается, когда к ней подходят не биологически, а биографически, хотя бы по той простой причине, что вся биология лишь одна глава некоторых биографий, доступная для биологов. Все остальное – абстракция, фантазия, миф. – Прим. автора

15

Требование свободы в отношении к прошлому не придирчивая «критика», а ясно осознанный долг каждой критической эпохи. Если я защищаю либерализм XIX века против масс, которые на него беспощадно нападают, это не значит, что я отказываюсь от свободы, высказывания против этого самого либерализма. И наоборот: примитивизм, который в этой книге показан с самой худшей стороны, в известном смысле – необходимое условие каждого крупного исторического прогресса. – Прим. автора

16

Поэтому популярно определение Америки как "страны техники" не имеет реального значения. Одно из наибольших заблуждений Европы – детские представления об Америке, распространенные даже среди очень образованных людей. Это частный случай несоответствия между сложностью современных проблем и ограниченностью современного духа. – Прим. автора

17

Строго говоря, либеральная демократия и техника так неразрывно связаны между собою, что одна немислима без другой. Нужно было бы найти специальное слово, более широкое понятие, обнимающее и ту, и другую. Это слово было бы подлинной характеристикой XIX века. – Прим. автора

18

Не будем углубляться в этот вопрос. Большинство ученых сами до сих пор не имеют ни малейшего представления о том серьезном и опасном кризисе, который переживает сейчас их наука. – Прим. автора

19

См.: Аристотель. Метафизика 893а, 10 – Прим. автора

20

Особенно поразительным представляется мне следующее: в то время как все остальные стороны жизни – политика, закон, искусство, мораль, религия – переживают кризисы, временные банкротства, одна лишь наука не стала банкротом. Наоборот, она каждый день дает нам больше, чем мы от нее ожидали. В этом у нее нет конкурентов. Для среднего человека непростительно этого не замечать. – Прим. автора

21

здесь мы имеет пример разницы между состоянием наук в известную эпоху и общим состоянием культуры в это время. – Прим автора

22

Поколение действует около 30 лет. Но деятельность его разделяется на два периода, различные по форме: в первый период молодое поколение пропагандирует свои идеи, настроения, склонности; во второй – оно приходит к власти и проводит их в жизнь. Следующее поколение в это время уже несет новые идеи и вкусы, которые начинают проникать в общую атмосферу. Если идеи и вкусы правящего поколения носят радикальный, революционный характер, то новое поколение – антитиреволюционно, т. е. в сущности реакционно по духу. Конечно, эта реставрация не простое возвращение к старому, этого никогда не бывало. – Прим. автора

23

Не следует смешивать прирост и даже обилие благ с чрезмерным избытком их. В XIX веке жизнь становилась все легче, и этим объясняется тот поразительный подъем жизни, – и количественный, и качественный, на который мы указывали выше. Но настал момент, когда цивилизованный мир стал по сравнению с потребностями среднего человека чрезмерно изобильным и богатым. В конце концов, благополучие и безопасность, созданные прогрессом, испортили заурядного человека, внушив ему чрезмерную самоуверенность, порочную и одуряющую. – Прим. автора

24

Здесь, как и в других отношениях, английская аристократия, по-видимому, представляет исключение. Но достаточно припомнить в основных чертах историю Англии, чтобы признать, что этот достойный удивления пример только подтверждает правило. Вопреки общепринятому мнению, английское дворянство меньше знало изобилие, больше – долг и опасность, чем дворянство на континенте Европы. Именно поэтому оно снискало уважение, которое всегда вызывает неизменная готовность к борьбе. Обычно забывают, что до второй половины XVIII века Англия была беднейшей страной Европы. Именно это и спасло английскую аристократию. Так как она не обладала богатством, она с самого начала обратилась к торговле и индустрии, что на континенте считалось неблагородным. Таким образом, английское дворянство стало

Ортега и Гассет Хосе Восстание масс filosoff.org
деятельным и творческим, вместо того чтобы вести праздную жизнь за счет своих привилегий. – Прим. автора

25

Что представляет собою семья в отношении общества, то, в большем масштабе, представляет отдельная нация в отношении всех остальных наций. Один из самых ярких и подавляющих признаков новой "эпохи самодовольства", как мы увидим, – поведение некоторых наций, которые "делают то, что хочется" в международном масштабе. В своей наивности они называют это «национализмом». Мне претит слепое преклонение перед интернационализмом; однако выходки эти я нахожу смешными и нелепыми. – Прим. автора

26

Снижение, деградация жизни – вот судьба того, кто отказывается быть тем, чем он призван. Его подлинное естество, однако, не умирает; оно становится тенью, призраком, который постоянно напоминает ему о его значении, заставляет его чувствовать свою вину и показывает его падение. Он – выживший самоубийца. – Прим. автора

27

имеется в виду XX век

28

"Расслабленная Испания" (1921) – прим. автора.

29

Эта упрощенная картина великого исторического переворота, в котором буржуазия выбила дворянство из господствующего положения, принадлежит Ранке. Но, конечно, эта символическая и схематическая картина требует многих дополнений, чтобы отвечать действительности. Порох был известен с незапамятных времен. Заряжаемый ствол был изобретен кем-то в Ломбардии и не был в употреблении, пока не отлили первую пулю. Дворяне мало пользовались огнестрельным оружием из-за его дороговизны. Только горожане, экономически лучше организованные, дали ему широкое применение. Однако достоверно, что бароны, представленные средневековым войском бургундцев, потерпели решительное поражение от нового, не профессионального городского войска швейцарцев, главная сила которых была в дисциплине и в новой рациональной тактике. – Прим. автора

30

Стоило бы остановиться на этом и показать, что эпоха абсолютных монархий в Европе располагала очень слабым государственным аппаратом. Как это объяснить? Ведь общество только еще начинало развиваться. Государство было всемогуще – оно было абсолютно. Почему же оно не обеспечило за собою полноты власти? Одну из причин мы уже указали: неспособность наследственной аристократии к технической и административной рационализации. Но это не все. Суть в том, что в эпоху абсолютизма аристократия не хотела усиления государства за счет общества. Вопреки общепринятому мнению, абсолютное государство инстинктивно уважало и ценило общество гораздо больше, чем сегодняшнее, демократическое. Последнее умнее, но у него меньше чувства исторической ответственности. – Прим. автора

31

Вспомним последние слова Септимия Севера наследникам: "Будьте едины, платите солдатам и не заботьтесь об остальном". – Прим. автора

32

"Sobre la muerte de Roma". El Espectador, VI – прим. автора

33

интересно было бы показать, как в Каталонии действуют две противоположные силы: европейский «национализм» и "дух города" Барселоны, где склонности древнего, средиземноморского человека еще живы. Поэтому я назвал бы левантинца последним отпрыском античного человека на Пиренейском полуострове.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!